
Н.П. ХРАПОВ
Голос правды

Н. П. Храпов

Голос правды

Сборник: стихи, гимны, проза

Оглавление

Предисловие

ПОЭЗИЯ

Дочке Лиле
Цветочек
Утешение маме
Мольба
Путь ко спасению
Вернись!
Пасхальный
Христос воскрес!
Пилигрим
Гимн страдальцев
Два друга
Звездочки
Спутнице
Не забывай!
Буря
Рождество Христово
Новогодний
Раскаяние
Возвращение
Елочка
Его нет здесь: Он воскрес!
Свой крест
Христианской молодежи
Свидетели Господни
Дитя мое
К встрече узника
Новый год
Сочувствие
Новогоднее желание
Преображение Иисуса Христа
Сыночку Пете
Воскрес для всех
Поздравление Любочке
Гимн общения
Она сделала, что могла
Страдающей церкви
Вознесение
Письмо матери
Друзьям в изгнании
Жене
Воспоминание
Памяти Петра Ивановича Чекмарева
К покою
К празднику Жатвы
Сестре
Желанный
Следуй за Мной
Павлушке
Будьте как дети
Подруга
Послесловие к поэме "Подруга"

Гефсимания
Братьям-близнецам
Боязливым...
...И неверным

ПРОЗА

За что?
Любящее сердце
Сестра
Моление о чаше
Дух, душа и тело

Предисловие

"Голос правды" - так назвал Николай Петрович Храпов свой сборник христианских стихов и статей. В 1977 году этот сборник был тайно, небольшим тиражом издан в России "на синьке". И вот теперь, спустя почти 20 лет, по милости Божьей, книга "Голос правды" переиздается в Америке издательством "Евангельское Слово".

Николай Петрович Храпов... Его имя широко известно среди христиан России, Украины, Белоруссии и других государств бывшего Советского Союза. Проповедник Евангелия, духовный наставник и искренний друг христианской молодежи, поэт и писатель, христианин в самом высоком смысле этого слова и многолетний узник за Слово Божие - таким был Николай Петрович Храпов, мужественный глашатай евангельской истины в стране воинственного атеизма.

Н.П.Храпов родился в 1914 году, за три года до революции, а отошел в вечность в 1982 году. Вся его сознательная жизнь прошла в эпоху небывалого глобального эксперимента построения безбожного общества, когда главной задачей была провозглашена борьба с Богом и Его Церковью. Всего несколько лет не дожил Николай Петрович до большой свободы проповеди Евангелия на своей родине.

В двадцатилетнем возрасте Николай Петрович пришел к Господу и через две недели уже был арестован, так как не скрывал своей веры, а это был 1935 год, когда государственный атеизм беспощадно искоренял веру в Бога из сознания людей и особенно молодежи. Так, в двадцатилетнем возрасте Николай Петрович был впервые лишён свободы на пять лет.

Он был под конвоем отправлен на Крайний Север, о чем впоследствии писал в своей автобиографии: "Много ужасов пришлось пережить за это время, но и в тех условиях Господь давал силы свидетельствовать о Христе, приобретая души для Него". Двадцать восемь лет (в общей сложности) Николай Петрович Храпов провел в заключении в различных местах России, Казахстана и Узбекистана: от Крайнего Севера до знойного юга. И везде, при любых обстоятельствах, он твердо верил, свидетельствовал о Христе и писал стихи.

Большая часть стихотворений Н.П. Храпова была написана в узах, за колючей проволокой, некоторые из них стали христианскими гимнами. Наиболее известный из них - "Гимн страдальца", который начинается словами:

"Закат обагрился кровавой зарею,
Сгущается сумрак ночной...
С горячей мольбою встаем пред Тобою
Мы, Боже, Отец всеблагой!"

Этот гимн стал одним из самых любимых для многих узников-христиан шестидесятых-восьмидесятых годов. "Гимн страдальца" ободрял их, укрепляя веру в суровых испытаниях.

Большую известность приобрел и другой гимн Храпова - "Привет вам, Христово цветущее племя!", посвященный христианской молодежи. Слова этого гимна были написаны в 1960 году, когда атеизм предпринял новое широкое наступление на веру, пытаясь оторвать сердца молодых христиан от любви Божьей. В этот критический период Николай Петрович призывает христианскую молодежь быть готовой к духовной борьбе и страданиям за веру Христову:

"Вперед, не робея, на смену идите
Уставшим борцам, не страшитесь креста!
Растите, цветите, плоды приносите,
Прекрасное в мире наследье Христа!"

Значительное место в поэзии Н.П.Храпова занимает его поэма "Подруга". Это большое, состоящее из четырех частей, поэтическое произведение посвящено женам узников-христиан. Поэма "Подруга" в задушевной лирической форме описывает красоту и чистоту христианской семейной жизни и жестокость государственного атеизма, вторгающегося в христианскую семью: внезапный арест, разлука отца с самыми близкими для него - женой и детьми. В поэме ярко описано мужество христиан перед безбожным судом, а также предатель, который сломился в борьбе, став на сторону гонителей. Автор поэмы так говорит о нем:

"Как вор он крался, выходя из зала..." Трогательно описывается в поэме прощание с сыном после суда:

"Мне не забыть протянутой ручонки,
Застывшей в просьбе к своему отцу,
И голосочек милого ребенка,
И ручеек, бегущий по лицу...
Мне не забыть и грубого солдата,
Что предо мной дитя остановил:
Немилосердно, злобою объятый,
Штыком он путь ребенку преградил".

Вся поэзия Н.П. Храпова - это правдивая история любящего, исстрадавшегося сердца, искренне верующего в Иисуса Христа. Новая книга Н.П.Храпова, как и его уже изданная трилогия "Счастье потерянной жизни", особенно полезны в деле воспитания молодых христиан в духе любви и верности Господу.

Когда меня достигла весть о кончине находящегося в заключении Николая Петровича Храпова, я посвятил ему стихотворение:

"С вещами, Храпов! Выходи!" -
Кричит конвой привычно-громко,
Что вещи? Скромная котомка, -
И вновь скитанья впереди.

Но он уже не может встать...
Его этап теперь - на небо!
Ему приносят пайку хлеба,
Но он ее не может взять...

И рядом не было друзей:
Одни враги, кругом неволя,
А сердце наполнялось болью
За братство, за родных детей.

И двадцать восемь долгих лет:
Конвой, тюремные скитанья,
И лагеря - не счесть названий...
И на руках - стальной браслет.

И так ушел он на этап -
В небесный край, где нет конвоя,
Где царство правды и покоя,
Где каждый вольный, а не раб!

Орел, борец, певец скорбей,
Глашатай вечного рассвета!
И вера Божьего поэта -
Живой пример для наших дней.

Георгий Винс

Дочке Лиле

Милая дочка, любимая крошка,
Милость Отца велика!
Время придет, и проглянет в окошко
Радости луч свысока!

Нужно святое терпенье, малютка,
Детские ножки в молитве склонять.
Радостной встречи настанет минутка -
Детские ручки обнимут меня!

Цветочек

Цветами яркими весной

Украсит Бог долины...
Хочу и я Его цветком
Расти на Божьей ниве!

Хочу и я благоухать,
Как маленький цветочек!
Хочу я Бога прославлять
И светлым днем и ночью!

Ведь Им я в радости святой
Живу и веселюся,
Хочу я с детской простотой
Прославить Иисуса!

Утешение маме

Не томись, моя милая мама,
Не грусти по ночам надо мной,
Будет день, когда к нам тем же самым
Папа снова вернется домой.

Он за правду в страданьях жестоких
Жарким пламенем битвы объят,
В злой неволе на Дальнем Востоке
Добывает небесный бриллиант.

К нам вернется он бодрым, счастливым
На великий божественный труд.
Ведь и мне нужно с папочкой милым
В свой веночек достать изумруд.

Будем, мама, и мы неизменно
Подвизаться в молитвах святых,
Чтобы нас мог венцом драгоценным
Наградить Бог, как верных Своих.

Мольба

На берегах Амура, среди дикой дальневосточной природы, автор выразил в этом стихотворении свои чувства. Это было тогда, когда в 1951 году за проповедь Евангелия он был приговорен к 25 годам лишения свободы и всё, чем он жил - упованием на Господа.

Мой Бог! как жажду я в тиши
Склониться пред Твоим престолом,
Чтоб в умилении души
Внимать божественным глаголам.

Тебе спешу я принести
Мое сердечное томленье,
Покой у ног Твоих найти,
Душе усталой - ободренье.

Устал в житейской битве я
Нести свой крест - Твоей тропою.
Утешь и укрепи меня -
Молю Тебя я всей душою.

Твои гонители, увы,
Моими сделались врагами,
На святость рыкают, как львы,
И попирают все ногами.

Я им Твой мир несу святой,
Но им они пренебрегают,
За правду с злобою лютой

"Суди" - кричат - и осуждают.

Иуда так же, как Тебя,
Обняв, предательски целует,
И ужас мук страшит меня,
Мне душу робкую волнует.

Господь, сосуд сердечный свой
Разбить у ног Твоих хочу я,
На них елей хвалы святой
Спешу излить я, их целуя.

Склонись с любовью надо мной,
Простри Твои Святые длани,
Зажги опять светильник мой
Огнем благих, святых желаний.

Яви Свой Крест! На нем - Себя!
Наполни душу умиленьем,
Взглянув на образ Твой, чтоб я
Имел к греху пренебреженье.

Путь ко спасению

(Разговор)

Грешник:
Скажи мне, брат, успокоенье
Где духу слабому найти?
Я так измучен рабством тленья
На этом жизненном пути!

Кому обиды и мученья
Поведать в тайне я могу?
О, где души моей томленье
И бремя тяжкое сложу?

Христианин:
Лишь только Тот, Кого распяли,
Над Кем глумились у креста,
Кому в лицо, смеясь, плевали,
Чьи жгли отравою уста;

Лишь Он дарует исцеленье -
Бальзам душе твоей больной,
И снимет тяжкое томленье,
Пошлет отраду и покой.

Грешник:
Пред Кем горячих слез потоки
Пролью из горестных очей,
И вздохи от обид жестоких
Кто примет из души моей?

Христианин:
Потоки слез своих горючих,
Припав к ногам Христа, излей.
И бремя мук сердечных, жгучих
Он примет от души твоей.

Грешник:
Кто теплотой любви согреет
Остывший огнь в груди больной.
И струн умолкших, кто сумеет
Коснуться песней неземной?

Христианин:
Струя крови Христа согреет
Могильный хлад души больной.
И сердца струны Он сумеет
В аккорд настроить неземной.

Грешник:
Во тьме неверья кто укажет
На стезю истины святой?
Кто мне, несчастному, расскажет
В чем счастье, радость и покой?

Христианин:
Один Господь от заблужденья
Тебя, погибшего, спасет,
Покой дарует, примиренье,
Благословенным назовет.

Грешник:
От раскаленных стрел летящих
Кто грудь больную защитит?
Лютую боль от ран смердящих
Кто успокоит, исцелит?

Христианин:
От сатанинских стрел Блюститель
Щит веры даст тебе, мой друг!
Сын Божий будет твой Хранитель,
Мир Божий - исцелит недуг!

Покайся! Грешников Бог любит!
Приди к Нему, Ему молись!
Он знает то, что все мы - люди,
Он хочет, чтобы все спаслись.

Рыдая в полном сокрушеньи,
Склонись под сень Его Креста,
Лишь только там твое спасенье,
Все счастье жизни - у Христа.

Вернись!

О, куда так спешишь
По пустыне земной?
От Христа ты бежишь
В злобе, друг дорогой!

Оглянись и постой,
Посмотри на Него:
Как любовью святой
Взор сияет Его.

На тебя Он глядит -
Твой Спаситель и Друг,
Чтобы грех твой омыть,
Исцелить твой недуг.

Хочет Бог тебе дать
Свой блаженный покой,
И Свою благодать,
И Свой мир дорогой.

Он научит тебя
Как, страдая, любить,
Как, заветы храня,
Свято, праведно жить.

Враг, терзая тебя,
Ядом зла отравил,
С твоим Богом, губя,
Навсегда разлучил.

В суете измотал
Твоих сил полноту,
И, как розу, измял
Юных дней красоту.

Стой! Очнись! Отзовись
Ты на призыв Христа!
С покаяньем склонись
У подножья креста!

Пасхальный

Не потому, что Ангелы сказали,
Иль Магдалина возвестила нам,
Своей душой мы Бога осязали,
Очам прозревшим Он явился Сам.

"Ты любишь ли Меня?" - Он нас с тобою
Сегодня спросит, как спросил Петра.
"Да, я люблю, люблю и всей душою!" -
Ответим мы, мой брат, моя сестра.

И бодро, вдаль шагая по каменьям,
Неся святую, радостную весть,
Мы возвестим грядущим поколеньям,
Что Искупитель жив - Христос Воскрес!

Мы возвестим тому, кто, огорченный,
В любовь святую верить перестал...
Укажем всем погибшим, удрученным
На светлый и великий Идеал.

И скажем им: "Не сетуйте напрасно,
Взгляните вверх, на синеву небес!
Воспряньте к жизни вечной и прекрасной!
Христос Воскрес! - Воистину Воскрес!"

Да, Он воскрес! и в этом нет сомненья,
Снята грехов могильная плита
С души спасенной, и она в волненьи
Поет, хваля воскресшего Христа.

Христос воскрес!

Сегодня Церковь, торжествуя,
Поет хвалу Творцу небес!
"Осанна в вышних! Аллилуйя!
Христос Воскрес! Христос Воскрес!"

Он в мир пришел и избавленье
Принес от Божьего суда,
Одевши в ризы обновленья,
Усыновил нас навсегда.

Восторга нет сильней и краше,
Чем восхвалять Христа в сердцах,
Он к жизни души вызвал наши,
Освободил нас от греха.

Его должны мы вечно славить,
Всем возвещать благую весть.
Молчать никто нас не заставит:
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

Пилигрим

Стихотворение было написано на лоне природы, в густой сибирской тайге, где лес еще не вырубался и стоял стеною. По распоряжению оперслужбы автора, как влиятельную личность, перевезли от братьев-единомышленников в эту глушь, где он оказался совсем один. К тому времени общих скитаний и лишений за имя Божие у него насчитывалось около 19 лет. В лагере этот стих пели на мотив песни "Не тоскуй ты, душа дорогая..."

"Все сии умерли в вере, не получивши обетовании, а только издали видели оные и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы!" Евр. 11:13-14.

Расплываются длинные тени,
Вечер струи прохладные льет,
Утомленно, сгибая колени,
Пилигрим одинокий идет.

Пыль дорожная густо покрыла
Ступни ног и лохмотья его,
И ветрами ему иссушило
Опаленное зноем чело.

За спиною тяжелое бремя
Режет плечи и больно гнетет,
А из раненых ног на каменья
Кровь багряною струйкой течет.

В край Небесный тернистой тропою
Пробирается он, торопясь,
И нередко седой головою
Потрясает, от скорби томясь.

Видно, много пережито было
В жизни тягостной бурь и невзгод,
Но влечет непомерная сила
Его сердце вперед и вперед.

Хоть изранены ноги камнями,
След кровавый лежит на плечах,
Но горит неземными лучами
Огонек в его скорбных очах.

Чудный край, бирюзою одетый,
Привлекает и манит его,
И, любовью святою согретый,
Он идет, не боясь ничего.

Сумрак ночи порою пугает,
Море жизни грозит и ревет,
Но лучами отчизна сияет
И к себе прилигрима зовет.

Облеченные в белые платья
И в сияющих чудных венцах,
Отошедшие сестры и братья
Ожидают его в небесах.

Хор великих страдальцев у Трона •
Не смолкает, ликуя, поет.
Вторя песне их чудной, к Сиону
Пилигрим утомленный идет.

Так, сливаясь в созвучья святые,

С пеньем Ангелов песня его
Улетает в края неземные
От печального мира сего.

Расплываются длинные тени,
Путь тернистый приходит к концу,
И под райские, чудные сени
Он ведет пилигрима к Отцу.

Гимн страдальцев

(Вечерний)

В лагере, где находился автор, было много христиан разных вероучений. С некоторыми из них часто проводились совместные общения. Настоящий гимн был экспромтом написан за несколько часов, и автор применил к нему мелодию песни "Умолкли аккорды, порвалися струны...", и впервые его пропел, обливаясь слезами, мужской арестантский хор в составе около 30 человек, среди которых были баптисты, лютеране, мениониты. Все они были страдальцами за имя Иисуса Христа. Спустя 5 лет, когда брат Г.К. Крючков, находясь в заключении, имел невыразимо тяжелые переживания, слова: "Прости, что поникли седой головою..." послужили утешением его утомленному сердцу и вызвали в нём новый поток энергии, укрепили дух.

Закат обагрился
Кровавой зарею,
Сгущается сумрак ночной...
С горячей мольбою
Встаем пред Тобою
Мы, Боже, Отец Всеблагой.

Последние силы
Слабеют порою
В борьбе непосильной с нуждой,
Но Слово Святое
Готовы с Тобою
Нести мы тернистой тропой.

Закованы злобно
Твоими врагами,
Опутаны сетью стальной,
Презренные всеми,
Забыты друзьями,
Но мы не забыты Тобой.

Прости, что усталые
Головы наши
Мы низко склонили на грудь,
Уж, видно, нет мочи,
И в сумраке ночи
Позволь нам теперь отдохнуть.

От южных степей
До Сибири угрюмой
Страдальцев Своих осмотри,
И темной порою
Святою рукою
С очей их Ты слезы отри.

Забытых детей
И подруг одиноких
В нужде и скорбях не покинь!
За бури и грозы,
За радость и слезы
Хвала Тебе, Боже, Аминь!

Два друга

Автор, осужденный с другими христианами к 25-ти годам лишения свободы, молил Господа, чтобы Он не оставил его одного в этом тяжёлом пути. Бог ответил: в течение пяти с половиной лет, до самого освобождения, его одноверец был неразлучно с ним, а жена регулярно утешала письмами и посылками. Посвятив им это стихотворение, автор сразу же, к великому восхищению всех братьев-узников, спел его на мотив песни "На севере, в тундрах, в далекой глуши..." .

Господь Свое Слово святое нести
Нередко двоих посылает,
И если один ослабеет в пути -
Другой ему там помогает.

Припев:
Иди, не робей! Иди веселей!
Крепись и не падай душою!
Дорогой одной, к Отчизне святой
Бодрее пойдем мы с тобою.

Двоих Он направил в суровую даль
Дорогой, политой слезами,
И где одного одолела печаль -
Второй утешает словами.

Блеснула слеза на лице одного -
С любовью второй вытирает.
И словом святым утешает его,
И тихо ему напевает.

Когда же раздумье гнетет одного,
То вздохом второй отвечает
И, взглянув в печальные очи его,
Знакомый припев напевает.

Бывает, разлука скрывает порой
Лицо одного от другого,
То оба, слезу вытирая рукой,
Споют из напева родного.

Когда же конец их скитаньям придет
И счастьем даль засияет,
Один из них новый припев запоет,
Второй от него не отстанет.

Новый припев:
Гроза позади! Венец впереди!
Но враг не имеет покоя.
С победой, родной! К Отчизне святой
Бодрее пойдем мы с тобою!

Звездочки

Звездочки на небе ярко мерцают,
Светят на Божий народ,
Дружной семьею они провожают
Старый пережитый год.

Звездочки милые, ярче горите
В эту морозную ночь,
Папе родному вы все расскажите
Про его милую дочь.

Ждет он, томяся в Сибири далекой,
Жизни тяжелой конца,
Слезы от доли его одинокой
Льются с родного лица.

Звездочки милые, ярче горите
В новом году надо мной,
Богу о горе моем расскажите -
Папу прошу я домой.

Спутнице

Это стихотворение, написанное в 1955 году, автор прислал из заключения своей верной спутнице, жене-другу, ко дню её рождения.

Среди горя, нужды и забот
Открываешь ты жизни страницу
В этот новый таинственный год,
Нарушая со старым границу.

Позади расстилается даль,
Торопясь, убегает волнами,
Но, отраду сменяя, печаль
"Черной хмарой" нависла над нами.

С ранних дней среди горя и зла
Тебе выпала тяжкая доля,
Видно, к этому Божья была
Такова неизменная воля.

Знаю я: тяжело для тебя
Пережить горечь нашей разлуки,
Но пожмем мы друг другу, любя,
Еще крепче усталые руки.

Близок час, когда вместе споем
Так же бодро, как раньше мы пели,
И когда-нибудь, сидя вдвоем,
Вспомним все пережитые были.

Чередою проходят года -
Книгу жизни собой заполняют...
Будем верны с тобой навсегда
Мы Тому, Кто нас всех ожидает.

Скорбный он, тридцать пятый твой год,
Да и мой сорок первый не краше,
Так судил Бог: из чаши невзгод
Нам испить долю горькую нашу.

Не забывай!

(Освободившемуся брату)

В 1955 году Церковь узников провожала пресвитера одной из церквей братства баптистов западной Украины, многострадального брата Ивана Михайловича Соковича, некогда ученика библейских курсов бр. В. Марцинковского. От имени всей церкви автор вручил ему на прощанье это стихотворение, посвященное его освобождению.

"Помни весь путь твой..."
Втор. 8:20

В нежданный час торжественной разлуки
Мы окружили с радостью тебя,
И на прощанье трепетные руки
Пожмешь ты нам, на волю уходя.

Слезам твоим перечить мы не смеем...
В последний раз польют они собой
Наш скорбный путь (тюремные аллеи),
Каким прошли мы об руку с тобой.

И ты уйдешь, оставишь нас позади
Слезами путь суровый проливать,
Но в этот час тебя мы, Бога ради,
Просить хотим нас не забывать.

В отрадный путь тебя, благословляя,
Мы провожаем за стальную сеть.
Последний раз тебе мы все желаем
Любимый гимн страдальческий наш спеть.

Перед тобой порывистой рукою
Родная дочь или милая жена
Откроет дверь, и слезною рекою
Омоет грудь иссохшую она.

В забытый сад войдешь неторопливо,
Под сень его шумливых лепестков;
И частокол с зеленою крапивой
Заменит цепь сверкающих штыков.

Рука любви осушит твои слезы,
К груди седую голову прижмет,
И в полутьме на вышитые розы
Она в забвеньи сладком упадет.

На вечере, за сладкими речами,
Ты от постыдной брани отдохнешь,
А, может быть, кого-нибудь друзьями
Других, любя от сердца, назовешь.

Но тех друзей, с которыми сроднила
Тебя когда-то горькая судьба,
Не позабудь: ведь в доле их унылой
Тяжелый труд, жестокая борьба.

Их путь земной не розами усеян,
Не венчан он народною хвалой,
Пренебрежен, поруган и осмеян
И заклеймен постыдною хулой.

А, может быть, у своего порога
Кого-нибудь увидишь ты из них,
И, не узнав в Нем Гостя дорогого,
Не прогони от ступеней твоих.

Буря

Святая муза нахлынула, как волна, на автора, выразившего в стихе свои чувства. К этому времени он пережил двадцать лет лишений вне семьи, родного крова. Окружающие его арестанты - преступники, по амнистии 1953 года, один за другим освобождались домой, а его это не касалось, хоть никакой вины, кроме преданности Христу, он не имел. А это значило, что нужно было бороться за жизнь, за истину, за духовную цельность, претерпевая, один за другим, мощные удары судьбы. В этом стихе, написанном не более чем за два часа, автор изложил пройденный путь, состояние души на тот момент и готовность к предстоящему пути. Слезы мешали писать, рука не успевала за внезапно нахлынувшими чувствами. Из всего написанного, настоящее стихотворение автор относит к лучшим.

Буря лохмотьями сизыми дробится...
Мокрою пылью лицо обдает...!
Воет, лютует и яростно злобится,
Грудью о скалы высокие бьет...

Мглой беспросветною небо лазурное
Ты закрывала не раз предо мной,
И под ногами громады ажурные
Стелишь коварно могучей рукой...

Знаю тебя я! Волною холодною
Многих в пучину с собой унесла,
Многих, лютуя, в утробу холодную
Знатных, великих и сильных свела.

С этим Утесом в одном монолите
Слит я, не страшен седой океан
А над собой в бирюзовом зените
Вижу я чудный святой Ханаан.

Я не герой, и не стану хвалиться,
Не под ногами моими Скала,
Не перестану с тобою я биться,
Как бы ты зла и грозна не была!

Если и дрогну я сердцем порою -
Непобедим подо мною Утес!
Силен Он бурю любую к покою
Властно призвать, Его имя - Христос.

С этим Утесом в одном монолите
Слит я, - не страшен седой океан,
А над собой, в бирюзовом зените,
Вижу я чудный святой Ханаан.

Да, я устал от всего пережитого...
Стой же! Уймись! Хоть на долю минут
Мне бы забыться! Да сердца разбитого
Раны забыть мне тебя не дают.

Ты нанесла их своими таранами,
Силясь меня навсегда погубить,
Но не иначе, как этими ранами
Смог я послушным Распятому быть.

Смолоду знаю, стихия, тебя я,
Битва с тобою дана в удел!
Вся ты от лютости стала седая,
Да уж и я-то с тобой поседел!

Рождество Христово

Луки 2:9-11

Темная ночь на долины ложится...
Меркнут лучи уходящего дня...
С гор на равнину прохлада струится,
Молкнет за речкою трель соловья...

Гомон и шум городской утихает,
Сладко царит тишина надо всем...
В бархате пышных садов утопая,
Дремлет в нагорной стране Вифлеем...

Стадо овечек в долине широкой
Мирно под дубом могучим стоит,
Ветер листвой на вершине высокой
Над головой пастухов шелестит.

Вдруг ослепительно все засияло,
С пеньем явилися сонмы духов,
Воинство Ангелов Божьих предстало
Пред изумленной гурьбой пастухов.

"Слушай, земля, обагрённая кровью!

Слушай великий святой манифест!
Слушай с надеждою, с пылкой любовью
Нашу благую отрадную весть!

Ныне вам в городе вашем родился
Чудный Младенец, Спаситель земли,
В яслях убогих, простых поселился,
Чтобы Ему поклониться могли.

Полно дремать вам, от сна пробудитесь,
Лить перестаньте вы братскую кровь,
Встаньте, пойдите, Христу поклонитесь -
Там обретете покой и любовь..."

Дивная песнь в неземных переливах
С неба лилась, заливая поля,
И утопала в аккордах игривых...
К жизни от сна пробуждалась земля...

Слава на небе великому Богу!
Мир на земле, во Христе благодать!
К небу открыл нам Спаситель дорогу,
Будем вовеки Его прославлять!

Новогодний

Автор писал это стихотворение, будучи в вынужденной разлуке с семьею и друзьями. Срок - 25 лет, как будто полная безнадежность, но вскоре Бог совершил чудо: узника реабилитировали.

Еще одну тяжелую страницу
В великом томе жизни дорогой
Перевернула властная десница
И заменила новою, другой.

Ушла она, и больше не вернется
Тяжелых дней минувшая пора,
Ее лишь вспоминать порой придется
И провожать, как ночь - в лучах утра.

Но не вернуть пережитые были,
За них отчет мы будем отдавать,
Что сберегли и для кого мы жили,
Кому, любя, стремились угождать.

Ручей с лица, бегущий поневоле,
Подруги ль вытрет нежная рука,
Или своя, изнывшая от боли,
Смахнет слезу, горючую пока.

Детей ли, видя радостные лица,
С любовью к сердцу буду прижимать,
Или в тиши тоскующее сердце
С мольбою к небу буду унимать.

Не знаю я, мой Бог об этом знает,
В грядущих днях Он ведает судьбу,
Покой ли даст, который обещает
Иль поведет на новую борьбу?

Но знаю то, что светлая отрада
Горит в душе искупленной моей,
А что же в жизни лучшего мне надо
Среди моих бушующих скорбей!

И пусть рука пронзенная, святая,
Долиной смерти к небу нас ведет,

Вперед за Ним пойдем, не унывая,
Вперед, друзья, в грядущий новый год!

Гори, звезда, над Божьим народом,
Неведомую даль нам освети!
Мои друзья, с счастливым Новым Годом!
Эммануил Сам будет нас вести!

Раскаяние

Безграничный, в милости великий,
Властелин бесчисленных миров!
Чем могу воздать Тебе, Владыко,
За Твою заботу и любовь?

Пред Тобой в торжественном параде
Пробегают солнце и луна,
Не Твои ли ночью мириады
Рассыпает властная рука?

С чем могу явиться, Безначальный,
Для уплаты долга пред Тобой,
Бедный раб с земли Твоей печальной,
Утомленный жизненной борьбой?

Слишком скуден дар мой пред Тобою!
Если б за Твой мир и благодать
Смог я всем, чем в жизни обладаю,
Хоть частицу долга оправдать!

Беден я, и с пламенной мольбою
Лишь могу из скорбных моих глаз
Уронить в смиреньи, пред Тобою,
Огневой сверкающий алмаз.

Океан греховного сознанья
Я хочу излить Тебе в тиши,
Вложить в те капли раскаянья
Тайники рыдающей души.

Помоги мучительное бремя
У креста Заветного сложить,
И слезами раны, в умиленьи,
Прободенных ног Твоих омыть.

Из пучины зла Своей рукою
Мне спасенье вечное яви,
Чтобы мог утонуть душою
В океане Божией любви.

Возвращение

Стихотворение было написано за месяц до освобождения автора из заключения.

Вот и все! Умолкла ненасытная
Ураганов воющих пора!
И встает, как зорюшкой умытая,
Ото сна кошмарного страна...

Расползлася в клочья безобразные
"Черна хмара", заревом горя...
Над пустыней знойною ужасною,
Занимаясь, близится заря.

Прибывает, ширится могучая

Долгожданной радости весна,
Ручейками звонкими, бегущими
В океан сбегается она.

Подошла пора давно желанная,
И мечта заветная сбылась,
С изумрудной былью долгожданною
На крыльце родимом обнялась.

Вновь я слышу трели соловьиные,
Вновь сады любовно шелестят,
Вновь со мной семья моя любимая,
И друзья, и старенькая мать.

Как плотину, грудью полноводною
Подпирает звонкою весной,
Чтобы землю тощую, голодную
Напоить студеною волной.

Так и весть святая, благодатная,
Как давно желанная весна
Рвется к нам, струями ароматными
Из щелей тюремного окна.

И теперь, рыданьями омытые,
У детей отнятые отцы,
Дорогими, близкими забытые,
Оживают снова мертвецы.

Озарилась светом тьма могильная,
Всколыхнулась, рухнула плита,
И бежала смертушка бессильная
От лица Воскресшего Христа.

Он воскрес! Вскиньте ваши головы!
Кто поник под тяжестью креста!
Он воскрес, родные, с вами снова мы!
Уж снята могильная плита!

Что ты хмуришь брови свои злющие,
Или снова хочешь проглотить?
Не пугай, любовь Христа кипучую
Все равно тебе не победить!

Елочка

Стишок написан экспромтом на воле, для христианских детей. В последующее время был частично переработан. Куйбышевские друзья применили к нему мотив известной всем песни "В лесу родилась ёлочка..."

В лесу родилась ёлочка -
Красавица тайги,
Одетая в иголочки
От верха до земли.

Из леса из дремучего
Ее прислали к нам,
На ней наряды лучшие
Развесим тут и там.

И зайчиков, и белочек,
Орешков золотых,
Для мальчиков и девочек
Подарков дорогих.

И песенку прекрасную

Мы Господу споем,
Все дружно и согласно мы
Поздравим с Рождеством.

Окружим хороводами
Мы елочку дружней,
Поздравим с Новым Годом мы
Родных и малышей.

Споем мы всем про райские
Аллеи у Христа,
Где нежностью и ласками
Наполнены уста.

Где вьюга и метелица
Не воет в воротах,
И с милым снова встретится
Вдова и сирота.

Там платья белоснежные
Нам ангелы дадут
И к Иисусу нежному
За ручки приведут.

Горят огнями елочки
В домах у малышей,
А мальчики и девочки
Горят в святой душе.

Его нет здесь: Он воскрес!

Мф. 28:6

Тишиною гнетущей, зловещею
Был объят погибающий свет...
Но к гробнице Иисуса умершего
Приближался желанный рассвет.

Загоралась вершина позорного,
На Голгофе, пустого креста,
Обагренного Кровью Пронзенного
И почившего в муках Христа.

Рассыпая лучи золотистые
По вершинам, багрянцем горя,
Осветила пещеру скалистую
Лучезарного утра заря.

Безутешной тоскою объятая,
Обнимая холодный гранит,
Магдалина у гроба Распятого
В изможденьи от горя стоит.

Но напрасно, томясь, долгожданного
Ожидала рассвета жена,
В опустелой гробнице Желанного
Не нашла Иисуса она.

И к душе одинокой, рыдающей,
Небожитель от Бога спешит,
Слышит голос она утешающий,
Видит - плат белоснежный лежит...

"Не рыдай, не ищи Погребенного,
Здесь лишь серый могильный гранит,
Не найдешь среди мертвых Пронзенного,

Где лежал Он, теперь не лежит."

...Обойди ты края необъятные...
Между тех, кто в порфиру одет,
Ты услышишь мольбы и проклятия,
Но увидишь, что там Его нет.

Нет Его, где страстями движимые,
До могилы клянутся в любви;
От предательства гибнут гонимые,
Брат от брата, в невинной крови.

В шумных оргиях мир погибающий
Стонет, саваном смерти одет,
Гибнет он, во грехах утопающий,
Потому что и там Его нет.

Много храмов увидишь блистающих,
Где читается Новый Завет,
Мироносец увидишь рыдающих,
Но поймешь, что и там Его нет.

Не ищи, не найдешь Безначального,
Кто принес с лучезарных небес
Мир и радость на землю печальную,
Не ищи, Его нет: Он воскрес!

Он воскрес! Тьма могилы кромешная
Озарилась сияньем небес,
Чтобы сердце порочное, грешное
Ожило навсегда, - Он Воскрес!

Он воскрес, чтобы силой могучею
Ад разрушить и смерть победить,
Чтоб обитель небесную, лучшую
Приготовить и нас водворить.

Он воскрес! Чтобы громы синайские
Не гремели над нашей землей,
Чтобы снова святые и райские
Нам ворота открылись с тобой!

Свой крест

Изнывая от боли пылающих ран,
Часто я под крестом воздыхаю,
То пугает пророческий путь христиан,
То на нем устаю, унываю.

И тогда ободряющий голос Христа
Веет свежестью Тивериады,
Вновь зовет за Собою, и тяжесть креста
Облегчает словами отрады:

"Кто за Мною идет и свой крест не несет,
Не достоин Меня и спасенья,
Не узрит тот обитель небесных красот,
Не постигнет святого ученья".

Не страшись, если волей благого Отца
Суждено тебе узкой тропою,
Под ударом бичей, под шипами венца
Тяжкий крест свой нести за собою.

Не рука лиходея, не случай слепой
Обрекли для тебя это бремя,

Но любви бесконечной, по воле святой,
Ему есть свой предел, свое время.

Он рассчитан с любовью, с заботой Отца,
И по росту тебе и по силам,
Чтобы смог ты его донести до конца,
Может быть, и до самой могилы.

Чтоб блаженным ты был, свято, праведно жил,
Благодатью святой наслаждался,
Перед лютой бедой не робел, не тужил,
Добрым подвигом впредь подвизался.

Чтобы образ святой и подобье Его
Среди шумной толпы суетливой
В существе отражалось, в сознаньи твоем
Должен крест ты нести терпеливо.

Не завидуй чужому, упал - не ропщи,
И не сетуй на тяжкую долю,
Утешенье в горячей молитве ищи,
Прославляй неизменную волю.

Чрез пучину страстей в лучезарную даль
Служит он для тебя переходом,
Там навеки забудешь тоску и печаль -
В Царстве Божием, с Божьим народом.

Не один ты, согбенных под тяжестью ран
Крестоносцев - великое племя!
Вереница идет за Христом христиан
В наше злое, последнее время.

Кто изныл под крестом, кто в бореньи устал
Видят всех Его светлые очи,
Видят тех, кто от зноя томятся, кто пал
В непроглядной, мучительной ночи.

Но мужайся, великое племя Христа!
Не гасите священное пламя,
Поднимите под тяжестью мук и креста
Ещё выше победное знамя!

Христианской молодежи

В 1960 году среди христианской молодежи братства ЕХБ возникло бурное стремление к самоотверженному служению Господу. С этой целью из числа передовой молодежи некоторых общин состоялось первое совещание - съезд молодежи для обсуждения насущных вопросов. Автор не имел возможности лично побывать на этом общении, и дома искренне молился Богу об успешной работе совещания. Ночью он вдруг проснулся и стал немедленно записывать то, что неудержимо выплёскивалось на бумагу. Рука еле поспевала за мыслями. Утром, облекши написанное в должную форму, автор отправил стихотворение письмом, как посвящение христианской молодежи к предстоящему общению. Спустя несколько лет автор, к своему удивлению, услышал его в хоровом исполнении, и теперь он широко распространен, как гимн христианской молодежи. За сочинение этого стихотворения и многих других он был осужден к семи годам лишения свободы по, якобы, политическим мотивам.

"Юноши... вы победили лукавого"
1 Иоан. 2:14

Привет вам, Христово цветущее племя,
Рожденное в буре, великой Судьбой,
Вас грозно встречает последнее время, -
Зовет на последний, решительный бой.

Стеною стальною полки боевые
Неверье ведет к вам на лютую брань.
Сомкните теснее ряды молодые,

В решительной битве никто не отстань!

Трубите победу! Священное пламя
Пусть ярче горит над руинами зла!
Несите вперед христианское знамя
Любви бескорыстной, Христова добра!

Сегодня сердца молодые пусть будут
В биеньи одном на груди у Христа,
А завтра, быть может, кого и поднимут
Толпой разъяренной на древо креста.

Вперед, не робея, на смену идите
Уставшим борцам, не страшитесь креста!
Растите! Цветите! Плоды приносите!
Прекрасное в мире - наследье Христа!

Свидетели Господни

(перевод с немецкого)

Стихотворение неизвестного поэта, написанное на немецком языке, брат - узник, Давид Давидович Классен, прочитал и перевел на русский язык. После горячей молитвы автор пожелал сделать свободный перевод, сохранив неизменным смысл стиха.

Их избивают в узах и смерти предают,
Но вестники Христовы святую весть несут,
Их смерть не устрашает, несли и будут несть -
Пока весть мир познает Евангельскую весть.

Оковы и изгнанья уверенно несут,
От зла освобожденье всем гибнущим дают.
Их цели прославляют, когда молчат уста,
Отца любовь святую, благую весть Христа.

Их мир не устрашает, их пламя не палит,
Их труд не пропадает, их весть не умолчит.
Вот пламя угасает, с ним тухнет вражья месть,
И вновь благоухает Евангельская весть.

Сквозь тюрьмы и изгнанья идет их долгий путь,
Небес благоволенье в себе они несут.
Их путь к концу... И явно уж слышен клич побед,
Он победит державный Христа Святой Завет.

Вперед, не умолкайте! Уверенно вперед!
Мужайтесь, побеждайте, вас Вождь Святой ведет!
Пусть вас клеймит и судит лукавый, грешный свет,
Вселенную осудит Христа Святой Завет.

Высоко поднимайте знамение креста,
Всем грешным возвещайте распятого Христа.
Пусть проклинают, судят, молчите им в ответ,
Дверь рая вам откроет Христа Святой Завет!

Дитя мое

Дитя мое, ко дню рожденья,
Забыв отцовское веленье,
Справляя прихоть детских лет,
И не спросивши: можно ль, - нет,

Однажды ты цветов пахучих
Нарвать решила для себя...
Сил ослабевших не щадя,

Любуясь с детским наслажденьем
Живым и пестрым украшеньем,
Манящей далью увлекаясь,
За скалы дикие цепляясь,
Не замечая, подошла
К гнезду могучего орла...
И взглядом, полным удивленья,
Окинул хищник на мгновенье
Тебя, затем он встрепенулся вдруг
И, очертив со свистом круг,
На жертву ринулся поспешно,
Он тризну праздновать успешно
Рассчитывал в своем гнезде.
Но Бог так близок был в беде,
Дитя мое, к тебе в ту пору,
Что за тобою следом в гору
Спешить Он побудил отца.
И, отирая пот с лица,
На ту беду отец явился
И в жаркий бой с орлом вступил,

Закрыв отцовскими плечами
Твою пестревшую цветами
Головку русую и грудь.
Так вот, живи и не забудь,
Что сердца твоего биенье,
И блеск очей твоих, и пенье
Подарены тебе, как дар...

А что ж с отцом? Там битвы жар
За жизнь отчаянно пылает,
Там *с* дикой яростью терзает
Орел когтями грудь отца;
Уж хладный пот бежит с лица
И грудь от боли изнывает,
Но Божья сила укрепляет
Отца. И мощною рукой,
Взмахнув высоко над собой,
Ухваткой мертвою сжимает
Он горло хищника, - и тает
Заметно сила у орла.

Там разом серая скала
Горячей кровью обагрилась,
Что из груди отца струилась;
И если сердца твоего
Не вырвал хищник, то его
Любовь отцовская закрыла,
Хотя и страшно видеть было,
Как хищник яростно сражался,
Крылами бил, шипел, метался..
И вместо сердца твоего
Отцово рвал он, но его
Желанье не сбылось. И вот,

Смахнув с лица кровавый пот,
Могучим взмахом опрокинул
Отец стервятника, - и кинул
На окровавленный гранит,
Где между серых острых плит
Орел нашел себе могилу.
И в пасть разодранную с силой
Забил отец могильный кол,
Обнял дитя и прочь ушел.

Отцы и матери, внемлите,
Запомнить этот стих спешите!

Молю, чтоб Божье вдохновенье
Родило в сердце вашем рвенье
Самоотверженно сражаться,
В священной битве подвизаться,
Чтоб души детские спасать,
От духа зла оберегать,
Не прятаться за их спиною,
Не дорожить самим собою,
Любовью злобу побеждать
И вражью силу отражать.

К встрече узника

Посвящается освобождению после четырехлетнего заключения брата-узника, Гортфельда Германа. Юноша был осужден за воспитание христианских детей и молодежи в учении Господнем.

Обвеянный шквалом минувших скорбей,
Пред шумной толпой, на распутье
Стоял он, со взором пытливым к судьбе,
И думал: "К кому же примкнуть мне?"

У ног его звенья разбитых цепей
Лежали в грязи лицемерья,
И всех волновало, врагов и друзей,
Каким он пойдет направленьем?

Направо - широкий пленительный путь
Преступных идей отступленья,
К нему безбоязненно можно свернуть,
Оставив Христа повеленья.

Налево - стоят фарисейской стеной
Слепые рабы самомненья,
Кичась, надмеваясь холодной душой
С камнями вражды, осужденья.

Дорога прямая - к отчизне ведет
Меж острых утесов и терний.
По ней лишь отверженных племя идет,
На ней - твой удел, без сомненья!

В очах фарисеев ты будешь гордец,
Отступники скажут - преступник,
В кругу оскорбленных, разбитых сердец
Прошепчут тихонько - заступник!

Дерзай, ратоборец, и следуй вперед
На подвиги жизни примерной!
К венцу золотому тебя приведет
Победа испытанной веры.

Хоть ты утомился, бесспорно, мой брат,
В разлуке с родными скитаться,
Но жребий один, и ты должен избрать:
Трудиться! Любить и сражаться!

Новый год

Это стихотворение автор написал, сидя на нарах, осужденный за свидетельство Иисусово, в самый канун Нового, 1965 года, среди камерного смрада и густого, едкого табачного дыма, посвящая эти строчки своей Ташкентской общине и юным друзьям.

Новый год подошел. Хлопотливой рукой
Зажигаются в сумраке свечи.
И польются с весельем, широкой рекой

Новогодние громкие речи.

Соберутся за праздничным длинным столом
Девы, юноши, старцы и дети.
Помечтают о новом, споют о былом
И о нашем последнем столетье.

Встретят с трепетом год, и любезной рукой
Раздадут дорогие подарки,
А потом разойдутся на сладкий покой...
Догорят и погаснут огарки.

Вот и все? Нет, не все! Было б грустно тогда,
Если б так провожать нам былое...
Нет, прожить мы должны свято наши года
В это время коварное, злое.

Мы желанного Друга к себе пригласим,
С Кем прожили минувшие годы,
И желания наши Ему огласим,
Нашу радость и наши невзгоды!

В новогоднюю ночь мы себя посвятим
Дорогим и бесценным подаркам,
Чтоб гореть, не сгорая!
Гореть перед Ним
Нам свечою Его, не огарком!

Пусть ряды наши малы и силы слабы,
И не громко звучит наше пенье,
Но в единстве стальном, среди жаркой борьбы
Созидаются, нижутся звенья.

Хмурым взглядом своим нас пережитый год
Провожает навстречу другому,
Но и новый, не с ласкою нежною ждет,
Не с слезою сожаленья к былому.

Не пугай нас и ты! Вас пережили мы -
Поколение целое, злое,
Мы рождались в огне, среди бури и тьмы,
Мы росли не в тиши и покое.

Мы тебе не родня. Дети вечности мы,
Хоть одною проходим дорогой,
Твой конец, как и всех пилигримов земли,
Мы же дети Предвечного Бога.

Что же, встретим с Божьей верой живой
Мы попутчика нового с нами!
С новым Годом, друзья! С новой песней святой!
С новой силой и с новым желаньем!

Сочувствие

Мама, часто из детской кроватки,
Засыпая в полуночный час,
Наблюдал я и видел украдкой
Свет твоих озабоченных глаз.

Почему иногда на ресницах
Твоих милых и ласковых глаз
Замечал, как тревожно искрится
Светлым утром росинка подчас?

Почему так глубоко вздыхаешь

И с тревогою смотришь на нас?
За калитку ль кого провожаешь
Иль встречаешь кого в поздний час?

Знаем все мы, родимая, полно!
Не тревожься за нас, не грусти.
С Божьей помощью кротко, безмолвно
Будем крест терпеливо нести.

Видим так же, как, выключив лампу,
Часто смотришь ты жадно в окно,
Из неволи желанного папу
Мама, ждем мы с тобой заодно.

Не грусти! Из Святого Завета
Часто внятно читала ты нам
О цветочках роскошно одетых,
О любви к желторотым птенцам.

Ты читала, как милостью Бога
И под зноем, под стужей зимы,
Не забыл Он творенья земного,
Так не будем забыты и мы.

Новогоднее желание

О вы, годы минувшие, стройный ваш ряд
В эту полночь я вновь созерцаю.
И ваш бег переменный, и пестрый наряд,
На коленях склонясь, проверяю.

В ранней юности вы пробегали как сон,
Безмятежные, в вешнем наряде.
Но, увы! пробудил вас безжалостный звон,
Звон железный, в "тюремном параде".

Скорбь и радость меняются, ум теребят,
В беспредельную даль убегая,
Бороздят по лицу, волосы серебрят...
Незаметно к земле наклоняя...

О вы, годы! Вы, годы! Не мало уж вас
Провожал я порою в смятеньи,
А теперь вот и новый, в полуночный час,
Я с молитвой встречаю в волненьи.

Что с собой принесут, я не знаю опять,
Дни грядущие в жизни суровой?!
Суждено так уж видно: любить и страдать,
Подвизаться и жертвовать снова.

Сладко мне в эту полночь слезами омыть
Всю вину с юных лет и доныне,
Сладко бремя тревог и сомнений сложить,
Преклониться пред Божьей Святыней.

Лишь хотел бы я, Боже Предвечный, Благой,
Еще более слиться с Тобою
Всем моим существом, чтобы вечный покой
Овладел истомленной душою.

Преображение Иисуса Христа

(Переложение)

Отмечая в неволе праздник Преображения Господня, автор написал это произведение, как переложение Евангелия и Апокалипсиса, и внёс в него те понятия, какие Господь открыл ему о прошедших и грядущих событиях.

Едва сверкнул за дальними горами
Над сонной Палестиной золотистый луч,
И утренний эфир громады темных туч
Развеял над зелеными шатрами,

В лазурь небесную вершиной голой
Поднявшись над садами, ремлющий Фавор
Осматривал плеяды иудейских гор
Росой омытый, бодрый и веселый...

Густых садов вдыхая ароматы,
Купался в зелени священный Елеон,
И, снявши покрывало, царственный Ермон
Внимал с утра мелодиям пернатых...

Среди прохлады утренней, на гору
Христос ведет троих учеников,
Чтоб там, на высоте, под сенью облаков
Предстать во славе тленному их взору.

Стих гомон проходящего народа
Внизу, под бархатом смоковниц и олив...
Как-будто в забытье, дыханье затаив,
Смолкала пробужденная природа...

Сюда, в блаженное уединенье
От мира суеты, приблизив к небесам,
Привел учеников Святой Учитель Сам -
Открыть им смысл и цель Его ученья.

За горизонт лазурный убегая,
Одетое в порфиру тленной красоты,
Лежало царство, о котором с высоты
Гласил Христу, гордясь, изгнанник рая:

"Все то, что зришь Ты оком пред Собою,
Ведь знаешь Сам, принадлежит издревле Мне,
Но я готов, не медля, всё отдать Тебе,
Коль Ты преклонишься передо мною".

Так дух надменный гордо величался
Над Тем, Кто в царство зла пришел, чтоб всех любить,
Чтоб Царство Божие навеки утвердить,
Кто никогда никем не погнушался.

Нарушив тишину в одно мгновенье,
Явилось облако с небес из небытья
И, ослепительным сияньем озаря,
Учеников повергло в изумленье.

Лицо Христа тотчас преобразилось,
В сиянье славы солнца свет исчез,
И все великолепье Божиих небес
В Учителе Святом отобразилось.

Из облака, в святом благоговеньи,
Предстали пред Христом Илья и Моисей,
И полилась с восторженной минуты сей
Святая речь о вечном искупленьи:

"Скажи, Сын Божий, о Твоем явленьи,
Зачем в греховном царстве воплотился Ты?
И Сам, оставив мир нетленной красоты,

Пришел принять побои и глумленья?

Ужель закон на каменных страницах
И перечень Твоих святых заповедей,
Что я принес с Синая, - молвил Моисей, -
Опять разбит, и кровь опять струится?

Ужели служат вновь тельцу левиты,
И нужен миру стал Спасительный Завет?"
Учитель Моисею тут сказал в ответ:
"Закон был свят, скрижали не разбиты".

"Так, может быть, огонь Кармила нужен
Пожрать обидчиков? - спросил пророк Илья.
Иль меч губительный, какой когда-то я
На лжепророков в ярости обрушил?"

"О, мужи верные, Вожди народа!
Ни вашей ревности огонь, ни ваша власть
От власти тьмы, - сказал Христос, -
не может спасть Сего неверного и злого рода.

Лишь только Кровь невинная, Святая,
Которую пришел пролить Я на кресте,
Откроет путь к небесной красоте,
К блаженству - дверь потерянного рая".

"Ужели путь, пройденный по пустыне
Под светлым облаком, еще не завершен?
Иль чем не выполнен остался Твой закон
В моей непохороненной храмине?"

"Чего еще? - спросил законодатель, -
Недоставало нам, чтоб Твой народ спасти,
И подлинный покой, и радость обрести?"
Ответил им Христос: "Лишь благодати!

Пройдут века, изменится природа,
Язычники во Мне спасенье обретут,
И в разоренную столицу вновь придут
Остатки палестинского народа.

Великий храм отстроен будет снова,
Вновь жертвенная кровь польется перед ним,
Но примет там обманутый Иерусалим
Мессию ложного, иного, злого.

Тогда вернетесь вы на землю оба -
С былою властью, чтоб Израиль пасти,
И в обетованный покой его ввести,
Хотя кругом царить лишь будет злоба.

Земные дни вы кончите в глумденьи,
Вам чашу горькую Мою придется пить,
На улице столицы вас должны убить
Озлобленной толпе на удивленье.

Но небеса откроются пред вами,
На третий день вас Сила Божья воскресит,
И от земли нетленными вдруг восхитит,
Из царства зла, облитого слезами."

Умолкла речь Спасителя в ту пору...
Сердцами овладел блаженнейший покой,
И радость полилась безбрежною рекой
На озаренную сияньем гору.

Ученики, поверженные в прахе,
Воскликнули: "Учитель, как здесь хорошо!
Душа полна блаженства, но хотим еще
Продлить его, хоть все трепещет в страхе.

Родной Капернаум и Галилею
Оставим навсегда, очаг, семью,
Три кущи выстроим мы здесь: одну Илье,
Тебе одну и также Моисею."

Но в этот миг блаженное явленье
Рассеялось, в очах остался лишь Христос,
А сердце жаждало по-прежнему до слез
Небесного, святого наслажденья.

"Раввуни, видишь, как у нас томится
Душа разбитая, ей нужен лишь покой.
И не на миг, какой испили здесь с Тобой.
А навсегда, навек чтоб мог он длиться.

Скажи нам все, мы избраны Тобою,
Мы все оставили, чтоб за Тобой пойти,
И крест готовы мы безропотно нести,
Какой дарован будет нам судьбою.

В чем цель и смысл великого ученья,
Что не хватает нам, чтоб разом все постичь,
Чтоб красоту блаженства вечного достичь?"
Христос ответил им: "Преображенья!

Но не того, что тленными очами
Вы созерцали здесь, не на вершине сей,
И не пророк Илья, не раб Мой Моисей
Меня окружат: с кольями, мечами,

На смерть позорную, в венце терновом,
Под хохот стражников на гору приведут,
Истерзанное тело к дереву прибьют,
И погребут затем во гробе новом.

На третий день Я вас по воскресеньи,
Рассеянных, опять с любовью соберу,
Тогда Мой новый путь, особенно Петру,
Открою вам к тому Преображенью.

Но не на краткий час, не на мгновенье,
А навсегда, чтоб непрестанно вы могли
Святою верою, во все земные дни
Преображаться в образ Мой, в спасенье.

Теперь же Мой Евангельский девиз
Я оставляю вам, как повеленье:
Идите все, до Моего явленья За Мною!
Мир спасать с Фавора - вниз!"

Сыночку Пете

Посвящаю строки эти
Я сыночку моему.
Мы его назвали Петей
В день рожденья. Почему?

Чтобы он на белом свете
Твердым, мужественным был,
Чтобы наш сыночек Петя
В жизни Бога не забыл.

Научить сыночка Петю
С мамой мы хотим всему,
Чтоб, живя на этом свете,
Благодарен был. Кому?

Кто ему здоровье, разум,
Счастье в жизни подарил,
Кто б его от зла - заразы -
В этом мире сохранил?

А сегодня, в день рожденья,
Пете минуло шесть лет,
Так живи в благословеньи,
Будь ты сыт, обут, одет.

Пусть тебя оберегает
В жизни Божья благодать,
Ото всех, кто обижает,
Чти отца и свою мать.

Воскрес для всех

Святая ночь та нам дарована от Бога,
В которую Христос-Спаситель наш воскрес,
И светом озарилась горняя дорога,
Ведущая из тьмы греховной до небес.

Разрушен ад, низложена держава смерти,
Святая истина навек утверждена.
В Христовой Церкви, на Евангельском Завете,
К спасенью грешников без серебра дана.

Бессильна смерть, никчемным стало осужденье
Суровых, дерзких и безжалостных судей.
Христос воскрес! И это факт - не заблужденье,
Не ложь, не вымысел обманутых людей.

Но стало радостным девизом это слово,
Произнесенное Посланником небес,
Скорбящим узникам, и матерям, и вдовам,
Неутомимым воинам - Христос Воскрес!

Ликуйте, юноши! Ликуйте, старцы, дети!
Несите в мир греха спасительную весть,
Сегодня всем привет пасхальный - всем на свете!
Христос Воскрес! Вовек хвала Ему и честь!

Поздравление Любочке

Дочку, Любочку мою,
Очень сильно я люблю,
Чем, не знаю, объяснить,
Как в письме отобразить?
Если только у меня

Люба, доченька моя,
Юным сердцем и умом
Будет верная во всем,
От начала до конца,
Чтить и маму и отца,
Кроме нас - бояться Бога,
Ей откроется дорога

Очень светлая везде,

Только помни, что нигде
Перед бедным человеком,
А особенно калекой,
Проходя, не насмеивайся,
Улыбнись, помочь старайся,
Лишь не будь ты горделивой
И останешься счастливой.

Гимн общения

С горячей молитвой автор взывал и взывает к Господу о действительной свободе для христиан, в том числе молился и о большом свободном съезде служителей братства баптистов. В 1960-х годах, находясь в заключении, духовному его взору представился этот съезд, где он так бы хотел спеть этот гимн общения!

Какой восторг, и мир, и наслажденье
В святом общеньи, - выразить нельзя,
Когда в любви взаимной и в почтеньи
Со всех сторон встречаются друзья.

Припев:
Привет вам всем, привет и утешенье,
Привет от любящих, искупленных сердец,
Теперь мы с радостью пребудем в единеньи,
Мы все из семьи одной, один у нас Отец.

Прошли мы путь суровых испытаний,
Перенесли глумленья и позор,
Устали мы от тягостных скитаний,
Но верными остались до сих пор.

Кто изнемог - пусть духом ободрится,
Кто долго от разлуки изнывал -
Сегодня здесь со всеми веселится,
Увидев тех, кого он так желал.

Соединим теперь в одном желаньи
К единой цели мысли и сердца;
Завет Христа в любви, без колебанья
Мы сохраним до самого конца.

В едином гимне радостно сольются
Сегодня здесь пусть наши голоса,
И по просторам родины несутся
Хвала и слава Богу в небеса.

Она сделала, что могла

(Сестрам - подвижникам)

Марка 14:8

Века прожитые, народы, поколенья,
Подобно облакам на небе голубом
Плывут, меняются, истории нижут звенья
Иль угасают вдруг, в пространстве мировом.

Так Богом первый мир потоплен был водою,
Не возвратился, не оставил нам следа,
Погиб в неверии, настигнутый бедою,
Спасенным только Ной в ковчеге был тогда.

Погибла гордая, надменная Халдея,
Погиб языческий, развратный Вавилон,
За грех в пустыню превратилась Иудея.
За зло - пророчески затоплен был Сидон.

Дворцы богатые и злачные долины,
Вельможи знатные, одетые в виссон -
Исчезло все... Остались лишь руины,
И храм разрушен, что построил Соломон...

Но дышат свежестью прославленные лица,
Живут в сердцах людские имена.
Кто на библейских вписаны страницах -
Благочестивый муж и верная жена...

Их сотворил двоих вовек Благословенный,
Кто ни на чем повесил солнце и луну,
Чтоб мужа дополнять, для жизни нашей тленной,
Из естества его - создал ему жену.

С тех пор рожденные женою поколенья
Создали образы не только сыновей,
Но, руководствуясь различным вдохновеньем,
Воздвигли образы различных дочерей.

Одни - водимые простой людскою страстью.
Другие - гением побед увлечены,
Иные - обольщенные умом иль властью,
А кто-нибудь - и лести злой подчинены.

Рождаются они из мрамора, гранита,
Иль кистью созданы на белом полотне,
Из золота, из серебра, из камня-малахита,
Резцом высечены на каменной стене.

Но камни крошатся, поэты увядают...
Ветшают краски и проходят времена...
Так быстротечно с ними в вечность исчезают,
Как пар, великие людские имена...

Но не забудутся, вовеки не затмятся
Живые образы библейских дочерей.
Не умирают древние, и вновь родятся -
Достойны звания сестер и матерей.

Здесь образ послушанья - Сарры и Реввеки,
Иль преданность святая Руфи к Ноеминь,
Здесь Ева скорбная, проклятая навеки,
Здесь плачет гордая, надменная Астинь.

Не испугавшись дерзкой власти Фараона,
Спасает Моисея мать от египтян,
Когда Варак от страха опускал знамена,
Девора-мать вела на бой израильтян.

Бежит Сисара с боя, ужасом гонимый,
В шатре у женщины он ищет кров и стол,
Но в сердце Иаили дух непримиримый -
Врагу коварному она вбивает кол.

Так много образов прекрасных, благородных
Запечатлены были в Библии святой,
Из них особенно живет в сердцах народных
И дышит верою, любовью, красотой -

Есфири образ, столь достойный подражанья,
И подвиг мужества за гибнущих людей,
Живущих в рабстве, обреченных на страданья
Вдали от родины прославленной своей.

Но в вечность канули века, тысячелетья,

В руины превратились храмы и дворцы,
Достигло лишь до нашего столетья
Людское зло, в котором умерли отцы.

Давно в песках погребена столица - Сузы,
Сотлел в гробнице древний деспот-фараон,
Остались лишь облитые слезами узы.
И не умолк о детях материнских стон.

В костюмах европейских ходят египтяне,
Пустыни вековые залиты водой,
Но в тюрьмах, как и прежде, стонут христиане,
Их жены плачут, умываяся слезой.

Ожили древние, дикие фараоны,
Переодели лишь костюмы палачи,
Провозглашаются гуманные законы,
Но про евангельскую истину - молчи.

Клеймят позором всюду вестников спасенья,
Пытают на судах и старцев, и детей;
За Библию святую, за Христа ученье
Лишают христиан сынов и дочерей.

И вот на битву с злом поднялись христиане,
Сплотились все в единую семью,
Под знаменем любви - украинцы, зыряне,
От жаркого Сухуми до Чивью.

Не поклоняются Аману мардохеи,
Спасают матери от "Ирода" детей,
И, чтобы не проникли грешные идеи,
Подобно Мариям - прячут сыновей.

И в солнечном Ташкенте, и в Сибири,
В старинном Киеве, в Москве и на Неве, -
Повсюду новые рождаются Есфири,
Деворы верные - и в Церкви, и в семье.

О, доля женская, тем паче христианки!
Ты одновременно трудна и велика!
Что у жены царя, что у простой крестьянки
Бываешь часто ты мучительно горька.

С мужьями верными, с любимыми сынами
Плечом к плечу родному - встали в грозный час,
И знамя истины тернистыми путями
Несли торжественно вы вместе всякий раз.

Подобно верным женам русских декабристов,
В сугробах Севера, в песках Караганды
Вы долю скорбную мужей-евангелистов
Делили также среди горя и нужды.

В людских романах вас, быть может, не опишут,
На славы пьедестал ваш бюст не вознесут,
Но к вам неумирающей любовью дышат,
Благословенными навеки назовут.

Кому ж случится больше не обнять супруга,
Как Хмару в горести не обняла жена,
То Сам Христос у врат небесного чертога,
Сердечный траур сняв, провозгласит: "Она

Благословенною достойна называться,
Вдвойне тяжелый крест безропотно несла,
К детям спешила и за веру подвизаться!

С любовью сделала она все, что могла!"

Страдающей церкви

О тебе, о тебе, драгоценная,
Многодетная, скорбная мать,
От восторга души, незабвенная,
Не устану я песни слагать.

Нет подобной тебе, и не встретится,
С кем так мило, привольно, легко!
Не твое ли прекрасное светится
Вдохновленное небом чело?

Твое имя живет в поколениях
Не в утеху людских похотей,
Как сама ты родилась в мучениях,
Так и в муках рождаешь детей!

Сироте и вдове обездоленным
Стали дороги ласки твои,
И отверженным всем, опозоренным
Ты открыла объятья свои.

Воспитала семью ты великую, -
Невозможно ее сосчитать!
Стольким далеким стала ты близкою -
Многодетная, добрая мать.

Не могу о тебе без волнения
Днем иль ночью любовно мечтать,
И за ласки твои, без сомнения,
Стоит плакать, томиться, страдать.

Посмотрю на тебя и подумаю:
Сколько слез ты святых пролила!
И бессонную ноченьку лунную
Не одну ты в скорбях провела!

Сколько раз ты в скорбях и рыданиях
Своих лучших сынов, дочерей
Провожала на смерть, на страдание
Под рычанье голодных зверей.

В подземельях "святой" инквизиции
Ты стонала в руках палачей,
В катакомбах, в лесах, от полиции
Укрывалась от злобных очей...

До сих пор ты, страдая, скитаешься,
Как последний презренный злодей,
По убогим углам укрываешься
От "культурных", "гуманных" людей.

За любовь, за твои добродетели
Твое имя позором клеймят,
И семьи твоей Божьей свидетели
В злой неволе томятся, скорбят.

Имя самого верного, лучшего
Из твоих дочерей и сынов
Носишь близко у сердца горячего
Не забудешь во веки веков.

От Андрея, Иоанна, Иакова,
От апостолов Павла, Петра,

До Ян Гуса, до брата Баратова,
Кого видели будто вчера.

До сих пор у тебя не забытые
Одинцова - страдальца следы,
Тимошенко и Хмары убитого,
Из далекой глухой Кулунды.

Сколько рядом с тобою попутчиков
Близ дороги тернистой идут,
Фарисеев, продажных лазутчиков
Днем и ночью тебя стерегут.

Ждут: как и когда ты оступишься,
Изнеможешь под ношей креста,
И, быть может, исполнить откажешься
Хоть немного Заветы Христа.

Их страданья твои не касаются,
Твоя скорбь им далека, чужда,
Они будут мириться и каяться,
А на сердце их тлеет вражда.

Нет! Покоя для сердца желанного
С любодеями ты не найдешь,
Под их сенью греховно-гуманною
Беспробудно, навеки уснешь.

Не оставлена ты, не покинута!
Небеса над тобой, как шатер,
В беспредельной заботе раскинуты
Для охраны твоей до сих пор!

Как утес ты стоишь твердокаменный
В океане греховных страстей,
Маяком озаряешь ты пламенным
Море зла - для погибших людей.

Ты грозна, как полки со знаменами...
Твой удел у святых алтарей...
Незначенье твое - между женами
Быть женою Царя всех царей...

Уж немного, немного, родимая,
Здесь осталось скитаться, страдать,
И в чертогах Своих, как любимую,
Твой Супруг тебя будет встречать.

Сохрани ж свою совесть кристальною!
Родилась ты под сенью Креста!
Называешься: Многострадальная,
Многодетная Церковь Христа.

Вознесение

Святая, незабвенная вершина...
Евангельский заветный Елеон...
В последний путь Божественного Сына
От нас ты проводила на Сион...

Послушные Господнему призванью,
Одиннадцать апостолов Христа
Пошли за Ним дорогой испытанья
От озера до скорбного креста...

Как волны светлые родного моря

Звучала речь Его тогда с ладьи,
И проникала в глубь людского горя,
Манила к неизведанной любви...

Прошло с тех пор три с половиной года,
Как позади остались навсегда
Родная галилейская природа,
Любимый кров, рыбачьи невода...

В последний раз Он их привел на гору
И, устремив величественный взор
На синие, безбрежные просторы,
На цепи самарийских дальних гор,

Христос сказал: "Мой путь земной окончен,
Отца небес Я волю совершил,
Во всех делах Моих был непорочен
И этому повсюду вас учил.

Теперь мое великое ученье
Я оставляю вам на долгие года,
В нем жизнь и свет погибшим, во спасенье,
И приговор злодеям в день суда.

На труд святой Я вас благословляю
И посылаю в села, города,
Одних же здесь отнюдь не оставляю,
Я буду с вами всюду и всегда".

Манила даль посланников спасенья,
Слова Христа звучали как набат,
Но в их очах печальных на прощанье
Туманился осиротелый взгляд.

Умолкла речь с прощальными словами,
Любовью нежной взор Христа сиял,
И руки к небу над учениками
В благословенья вечном Он поднял.

Благословляя, тихо поднимался
На Елеон любящий их Друг,
И долго след глубокий отражался
От ран поднятых прободенных рук.

Так служит с этих пор гора святая
Заветным маяком для христиан,
Пока они от края и до края
Не озарят неверия туман...

Но иногда туманами сомнений
Бываешь ты сокрыта от меня,
Не слышу зова Божьих повелений,
И тухнет жар священного огня.

Усталым я тогда бреду по жизни,
Теряется и цель, и смысл бытия,
И мглою взор туманится к Отчизне,
И сердцем будто не воспряну я.

Под ношею креста изнемогаю,
Тернистый путь неведомо далек...
Враги теснят, погибелью пугают,
А я забыт, как-будто одинок...

Тогда, стоя с тоской, в оцепененьи,
Я открываю робкие уста,
Взываю, как Илья, об избавленьи

И жду с тревогою ушедшего Христа.

Но Искупитель жив! Я оживаю!
Вновь пробивается ко мне из туч
В пустыню, где так тяжко изнываю,
Надежды благодатной светлый луч.

И снова слышу вышнее призванье,
Бежит унынье с мрачного лица,
Душа горит, горит опять желаньем
Любить, страдать и верить до конца.

Письмо матери

Ты, наверно, опять приуныла -
Одинокая скорбная мать,
Когда внучка тебе сообщила,
Что решил я еще пострадать.

Да, решил. Хоть и мог не скитаться
По застенкам тюремным опять,
Мог бы жизнью в семье наслаждаться,
Мог на старость тебя утешать.

Мог, как многие, скромно трудиться,
Громко петь, Божий дом посещать,
Горячо, откровенно молиться,
Даже бедным в нужде помогать.

Быть почетным в кругу атеистов,
Жить спокойно, ходить, не боясь,
Уважаемым быть у баптистов,
Пировать у попов, не стыдясь.

Да и вроде пора бы законно,
Справедливо в тиши отдыхать,
Приходящих встречать благосклонно,
Мемуары о прошлом писать.

Но подумай, а будет ли честно
Оставлять мне священный порог?
Когда Церковь Христа повсеместно
Осаждает лукавства порок?

Когда святость опять попирают,
Суетятся со мздой торгаши,
И без страха обет нарушают,
Продаются, шутя, за гроши?

Кто же встанет за истину, мама?
Кто малюток к Христу приведет?
Кто лукавых служителей прямо
Обличит, кто утешит сирот?

Нет, я думаю, ты не осудишь,
Как и прежде, за выбор меня,
Вновь молиться за сына ты будешь,
Материнскую верность храня.

Нам обоим с тобой надоели
Лицемеры простые на вид,
Оба, мать, мы с тобой поседели
От язвительных горьких обид.

Много горя с тобой пережили,
Невозможно всего описать,

И как-будто на свете не жили,
А пора уж пришла умирать.

Помню тех, кто уют наш разрушил,
Когда детские слезы из глаз
Я ронял и внимательно слушал
Твой простой, материнский рассказ.

Про отца ты тогда говорила,
Как его забирали от нас,
Как ему передачи носила,
Как его ободряла в тот час.

Ранним утром его угоняли
В арестантской толпе на вокзал,
Обнаженные сабли сверкали
И суровый конвой охранял.

С ними рядом ты тоже шагала
От тюремных ворот до конца,
То братишку к груди прижимала,
То слезу вытирала с лица.

Вдруг на борзом коне, угрожая,
Конвоир к вам с отцом наезжал
И, клинком обнаженным сверкая,
Он тебе отойти приказал.

Сердце сжалось, облитое ядом,
Ты стояла пред ним, как стена:
"Не отстану от мужа, но рядом
С ним пойду, ведь ему я жена".

И ничто победить не сумело
Непреклонности духа в очах,
Шла ты рядом уверенно, смело,
С арестантским мешком на плечах.

Лишь неровная речь то и дело
Пробивалась у вас на ходу...
За святое великое дело
Вас обоих под саблей ведут.

На вокзале с отцом распрощалась,
Поздно, помню, домой ты пришла,
Тяжело на постель опустилась
И со вздохом ты нас обняла.

С этих пор в нашей жизни суровой
Было много больших перемен,
Но венец христианский, терновый,
Оставался для нас без замен.

За отцом по дороге тернистой
Вскоре сын твой пошел, и опять
Довелось тебе так же томиться,
У ворот с передачей стоять.

Хоть тебя мне потом заменила
Дорогая подруга - жена,
Но, как видно, до самой могилы
Ты, как мать-христианка, нужна.

И теперь, как с отцом, по дороге
Рядом бодро, спокойно ты шла,
Будь со мною, хоть быстрые ноги
Беспощадная старость свела.

В подмосковной старинной Коломне,
Где молился святой человек,
В незаметной кремлевской часовне
Коротаешь ты вдовий свой век.

Часто с грустью в очах, одиноко
У ворот на скамейке сидишь,
Все кого-то ты ждешь издалека,
Жадно в даль с любопытством глядишь.

Да и, правду сказать, не напрасно
Ждешь желанного ты своего,
И в какой-нибудь вечер прекрасный
Встретишь ты и обнимешь его.

Рано, мать, мы с тобой поседели,
Много слез вытирали с лица,
Но немного осталось до цели -
Будь верна ты Христу до конца.

За Христа пострадать не обидно!
Не обидно позор пережить!
Отрекаться от Бога - постыдно!
Еще хуже - предателем быть!

Друзьям в изгнании

В 1967 году многие служители и члены церквей СЦЕХБ, в том же числе и почти весь состав Совета Церквей, отбывали заключение за свою веру. Дух Божий особо посетил автора, тоже бывшего в узах, он написал это стихотворение с глубокой молитвой, чтобы оно послужило утешением дорогим узникам. Ему неизвестно, какими путями оно дошло до брата-узника Винса Георгия Петровича, бывшего тогда в особенно томительном состоянии, но, дойдя до него, послужило утешением и ободрением.

Друзья! Где вы теперь? К какому вас прибила
Чужому берегу сердитая волна?
С какою дерзостью, с надменством она
Над бездной страшною, кипящей вас носила?

В позорный саван ваша жизнь теперь одета,
Родные берега покрыты серой мглой,
А сердце с жаждою и ревностью былой
Неумолимо просит ласки и привета.

И этой лаской к вам, поверьте вы, что полны
Сердца скорбящие родимых и друзей,
Хоть и сокрыты вы, но множество очей
Глядят на вас и на клокочущие волны.

Не вы одни, но и отцы, и ваши деды
Перенесли и победили грозный шквал,
В нем некогда смущенный Симон утопал,
В нем маловерные друзья терпели беды.

Не унывай, сестра! Мой брат, не ужасайся!
Пусть надрывается, лютует грозный вал,
Спаситель запретит, как прежде запрещал,
Ведь с нами Он, мой друг, крепись и не смущайся!

Жене

Опять одна. Клокочущая грозная стихия
Покрыла чадом душным наш с тобой уют,
И мысли мрачные, как призраком, снуют,
Тревожат ум, теребят чувства уж немолодые.

Я часто думаю, мой друг, зачем две наши жизни
Сплелись в какую-то узорную канву?
Без лета ясного - твою я назову,
И без весны - мою, в скорбях и без земной отчизны.

Одно лишь ясно нам с тобой, - ив этом наша радость,
Что наш Господь друг другом нас благословил,
Шумливою семьёй, скорбями наделил,
Во встречах дал нам испытать волнующую сладость.

Да и теперь, жена моя, к чему нам сомневаться:
Наш Искупитель жив! Челнок наш не разбит!
Хоть грозный ураган нам гибелью грозит,
Бог знает, тяжко и тебе, и я устал скитаться.

Когда же снова, за крутым внезапным поворотом
Наш челн к себе желанный берег поманит,
И сердце к гавани спокойной поспешит -
Там разделю с тобой тогда печали и заботы.

Соединим, мой друг, в одно надорванные силы
В борьбе за истину, свободу и любовь:
"Благослови, Господь, обильно нас Ты вновь,
Остаться верными Тебе, друг другу до могилы."

Воспоминание

Зимний вечер стучит за окном
В незакрытые ставни сердито,
А в тоскующем сердце больном
Загорается к Богу молитва:

"Боже мой, милосердный, благой,
Видишь Ты, как я низко склонился
В этой жизни изменчивой, злой,
От жестокой борьбы утомился."

Неужель для того меня мать
Родила, любовалась, вскормила?
С юных лет за Христа пострадать
Помолилась и благословила.

Путь суровый мой с лютой злобой
Заметала житейская вьюга,
И в отчаяньи звал я с собой,
И искал себе верного друга.

Но на зов истомленной души
Нелюдимые горы молчали,
И никто, и никто не спешил,
Чтоб утешить в глубокой печали.

Долго я одиноко бродил
В диких дебрях звериной тропою,
Для души лишь покой находил
За усердной горячей мольбою.

Истомилась, изныла душа
От житейской лихой непогоды!
Так прошли день за днем, не спеша,
Мои лучшие юные годы...

Все же милость Господня была
Неразлучно всегда надо мною,
И незримо меня привела

К тихой пристани - сильной рукою.

Ожила, ободрилась душа
Под лучами цветущего юга,
Там под кровом любимым нашла
Для себя долгожданного друга.

Разделить со мной дикую ширь
Вышел воин, не с гордой осанкой,
Не могучий, лихой богатырь,
А простая сестра-христианка.

Помню, ранней весной, не таясь,
Повстречала меня у порога,
На колени в волненьи склонясь,
Мы молили Великого Бога:

"Боже наш, Твоя вера зажгла
В наших душах священное пламя,
И над нами навек подняла
Бескорыстной любви Твоей знамя.

На все годы земного пути
Ты скрепи наш союз Своей силой,
Чтоб безропотно, кротко нести
Мы могли бы свой крест до могилы."

Обещали друг друга любить,
Обоюдно терпеть все невзгоды,
Дружелюбно и свято прожить
Во все дни, в предстоящие годы.

По изменчивым тропам земли
Нога в ногу, единой душою
Мы доверчиво, бодро пошли
Предназначенной Богом стезею.

В дни отрады счастливой душой
Благодатью святой наслаждались,
Облеченные верой живой,
Перед лютой бедой не терялись...

Только друг, расставаясь, просил:
"Коль устанешь, задремлешь немножко,
Чтоб никто до утра не гасил
Яркий свет у родного окошка".

В черной мгле бушевала метель...
Под ногами терялась дорожка...
Но приветливо, ярко светил
Другу милому свет из окошка..

Зимний вечер стучит за окном
В незакрытые ставни сердито,
И мы часто теперь уж вдвоем
Вспоминаем о всем пережитом.

Памяти Петра Ивановича Чекмарева

(К 10-летию со дня смерти)

Чекмарев Петр Иванович - один из старых благословенных служителей братства баптистов. В свое время, до 1927 года, он был секретарем Волго-Камского Союза баптистов. Много узников-христиан он поддержал как материально, так и духовно. Был близким другом, сотрудником и советником автора этого стихотворения. Долгие годы Петр Иванович жил в Фергане, где в глубоком уповании на Господа, желанным и уважаемым в братстве, отошел в вечность на 75-м году жизни...

"Взирая на кончину их жизни, подражайте вере их".

Евр. 13:7

Нет уж больше тебя среди нас, на земле...
Ты ушел навсегда, безвозвратно...
Не мелькнет уж приветливый взор на челе,
Не придешь к нам, желанный, обратно...

Помню дом на углу... Ряд чинар вековых,
Что под окнами стройно стояли...
И седые вершины под шелест листвы
Благосклонно к земле наклоняли...

Но не ярким фасадом, резьбой дорогой,
Не богатством трапезы шумливой
Привлекало людей в этот дом угловой,
Не вином, и не басней шутливой.

За советом разумным, с заветной мечтой,
С истомленной от скорби душою,
В этот дом с христианской, святой простотой
Часто шли поделиться с тобою.

И со страждущим братом ты вместе страдал,
Ты скорбел с сиротой и вдовою,
Приходящим приветливо дверь открывал
Ранним утром иль поздней порою.

Не боялся ты голос за правду поднять,
Не чуждался в нужде пилигрима,
Мог ты сердце скорбящего друга понять,
Ободрить и утешить гонимых.

Ты терпел и врагов, и не чаял друзей,
Обнимал и далеких, и близких,
И за тесным столом ты желанных гостей
Не делил на высоких и низких.

Ты правдивой душой сам немало страдал,
Нес безропотно крест свой тяжелый,
И бесценных утрат ты цену испытал
В этой жизни земной, невеселой.

Все же хочется нам, как и прежде опять,
Чтобы вновь ты побыл между нами,
Чтоб приветить жену, да и дочь приласкать,
Да "отцов" примирить с "сыновьями".

А кому-нибудь строгое слово сказать,
Посмотрев на друзей своих прежних,
Утешенье скорбящему друг послать,
Ободрить ратоборцев прилежных.

На иных же, глядя ты со скорбью в душе,
Покачал бы седой головою,
И сказал бы с любовью: "не плачьте о мне,
Но рыдайте, друзья, над собою".

Да зачем же мечтать и жалеть нам о том,
Что назад никогда не вернется?
Ведь блаженство твое с лучезарным Христом
Уж теперь никогда не прервется!

С миром бремя свое ты у Бога сложил...
Не остался, желанный, ты с нами...
Хоть и кажется нам, что ты мало прожил,

Но почил ты, насыщенный днями.

К покою

Закончен день нелегкого скитанья
В долине сумрачной, унылой и сухой,
И пред Тобой душевные желанья
Я приношу в молитве дорогой.

Прошу Тебя, смыкая мои очи,
Пошли душе моей целительный покой,
Чтобы в тиши благословенной ночи
Не испытал бы я тревоги никакой.

Чтоб утром смело мог открыть я вежды
Перед толпою многочисленных врагов,
Кто без любви, без веры, без надежды
Над Истиной Твоей глумиться будет вновь.

Ты знаешь все. Дела мои и думы,
Души измученной и скорбь, и тесноту!
Сними вину поступков неразумных,
Плотских желаний, слов безвинных - пустоту.

Я так устал в борьбе непримиримой!
Толпа врагов моих густеет предо мной.
Пошли покой душе моей гонимой
И не скрывай, Господь, Свой образ дорогой.

Пошли покой, чтоб силой обновиться,
Чтобы в борьбе не пасть, в труде не изнемочь,
Пока в груди не перестанет биться
Твоею жизнью мое сердце, день и ночь.

К празднику Жатвы

П.Песн. 7:14

Спелым колосом нива волнистая
Праздник жатвы встречает в полях,
И на гумнах снопы золотистые
Земледельцев сердца веселят.

Наклоняя кусты отягченные,
Аромат разливают сады,
Восковые, румяные, желтые
Для садовника зреют плоды.

В диких зарослях леса дремучего
Под листочком торчит боровик,
В скорлупе золотистой задумчиво
Пожелтевший орешек поник.

Глупый заинька бегает, кружится
Под охраной зайчихи в кустах,
Журавленок несмысленный учится
Над болотом летать в небесах.

Все рожденное Богом творение
На земле, под землей, у воды -
Все имеет свое назначение,
В свое время приносит плоды.

Приближается праздник торжественный
Собиранья нетленных плодов,

Праздник жатвы на ниве Божественной,
Праздник Божий во веки веков.

Посмотри, как лопатою тщательно
Очищает Спаситель гумно,
Чтоб собрать в небесах окончательно
Драгоценное Божье зерно.

Долго вместе росли неразлучными
На соломке: мякина, зерно,
Но скорбями тяжелыми, жгучими
Разделило их Божье гумно.

Дети Божьи! пора долгожданная
Приближается быстро для нас,
Только с Богом для всех ли желанная
Будет встреча в решительный час?

Как ты прожил: в нужде иль блистательно
В наш лукавый, изменчивый век?
Перед Богом твоим обязательно
Дашь ответ ты за все, человек!

Непотребства, бесчинства и ереси,
Лицемерье и пламя вражды,
Гнев и ненависть, ссора по зависти -
Это горькие плоти плоды.

Пламя вечное, муки кромешные,
Плач, рыданья и скрежет зубов,
Тьма, проклятье и боль безутешная -
Вот где место для этих плодов.

Плод же духа: дела милосердия,
Радость, вера, любовь, Божий страх,
В добром деле - к служенью усердие,
Кротость, мир и согласье в делах.

Если эти плоды драгоценные
Ты с любовью блюдешь для Творца -
Царство Божье, награды нетленные
Ожидают тебя у Отца.

Да возносятся Господу вечному
Ароматы от наших плодов,
И да будет Ему, Бесконечному,
Честь и слава во веки веков!

Сестре

"Но вы пребывали в напастях Моих..."
Лук. 22:28

Сестра! Как волнует меня это слово!
Кому суждено быть достойным его?
Тому, кто удел поношенья Христова
Избрал себе в жизни дороже всего.

Я видел тебя, когда, страх попирая,
В делах милосердия была ты сестрой,
К скорбящему брату, покой презирая,
Спешила на помощь сквозь вражеский строй.

Со мной на скамье подсудимых сидела,
В судьбе не гнушалась позорной тюрьмой,
Со слезой утешенья на брата глядела,

С улыбкой любви провожала домой.

Я видел тебя у тюремной решетки,
Прощался с тобой у тюремных ворот,
В служеньи я знал тебя тихой и кроткой,
Стеной нерушимой для вражеских рот.

В сугробах Сибири, любовью пылая,
Ко мне пробиралась суровой тайгой,
От хлада могильного душу спасая,
Меня подняла хлопотливой рукой.

С полей Моавитских пришла ты служанкой,
К заре христианства - была госпожой,
Тебя повстречал, я сестрой-христианкой,
Теперь не расстанусь навеки с тобой.

Желанный

(Экспромт)

Это стихотворение автор передал семье за несколько дней до освобождения из заключения, отражая в нем настроение с нетерпением ожидавших его общины и семьи.

Не звон похоронный, не вор-лиходей
Собрал на порог нам родных и друзей...
Сегодня и гости, и дети с крыльца
К заветной калитке снуют без конца.

Лихая разлука в минувших годах
Осталась позади, дай Бог, навсегда.
И вновь на порог наш пришел, наконец,
На радость семье, долгожданный отец.

Скажи, наш родимый, скажи и не скрой -
С тех пор, как покинул порог ты родной,
Так долго скитался ты где, и какой
Седой голове находил ты покой?

Давно истомилась, устала ждать
Тебя престарелая добрая мать,
Для всех ты желанный отец или друг,
Скорбящей жене-долгожданный супруг.

Давно все томимся, давно тебя ждем,
Надеждой на Господа-Бога живем,
Теперь же, дай Бог, нам друг друга обнять
И сердце, и душу больную унять.

Следуй за Мной

Когда на заре моих дней я блуждал
В пустыне греховной, земной,
Впервые я голос Его услыхал:
"Дитя мое, следуй за Мной!"

Когда в завет с моим Богом вступил,
Враги ополчились стеной;
Меня ободрил Он, мой дух укрепил:
"Не бойся, и следуй за Мной!"

Я падал в пути - Он меня поднимал,
Склонялся в любви надо мной
И дивною речью опять утешал:
"Не падай, и следуй за Мной!"

Когда в одиночестве дух унывал,
Глумились враги надо мной,
Он с нежной любовью к Себе привлекал:
"Не сетуй, и следуй за Мной!"

Когда я робел перед тьмою врагов,
Редели друзья предо мной,
Я слышал Его ободряющий зов:
"Мужайся; и следуй за Мной!"

Павлушке

Долго Павлушка терпел, наблюдал,
Как папа открытки слал детям всегда,
Только ему никогда, никогда
Папа картиночек не присылал.

Ну, а сегодня и он наконец
Тоже дождался. "Что ж, вырос юнец!"
Папа подумал, стишок сочинил,
Выбрал открытку, в конверт положил.

Будьте как дети

Братья, сестры, очень рад
Всем напомнить вам о том,
Что хоть я и меньший брат,
Но призрен Самим Христом.

Царство Божие вкусить
Очень многие хотят,
Только всем Господь велит
Умаляться, как дитя.

От обид вы иногда
Горько плачете, как я,
Но прощать их навсегда
Бог велит нам, как дитя.

Часто с милой я сестрой
Сильно ссорюсь, не шутя,
Но мириться меж собой
Бог нас учит, как дитя.

По одежде и уму
Хоть мы различаемся,
Богу же единому
Все мы поклоняемся.

Как для маленьких детей
Голос мамы всех родней,
Так живущим во Христе
Зов Его всего важней.

По сердечной доброте
Всех дитя распознает,
Не по внешней красоте
Вас он любит, к вам он льнет.

Хоть и мудрыми назвать
Часто деток не хотят,
Но в раю тем не бывать,
Кто не будет, как дитя.

Подруга

(Поэма в 4-х частях)

Поэма "Подруга" относится к числу ранних произведений автора. Его возникновению предшествовало знакомство с заключенным журналистом, который посвятил автора в основные приемы и правила стихосложения. Замысел возник после судебного процесса 1951 года, долго вынашивался, а спустя три года, после усердных молитв, начал осуществляться. Впервые произведение было прочитано в кругу узников-братьев, которые, найдя себя в нем, со слезами, в молитвах, просили благословения Божия в его распространении.

"Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом; и где ты умрешь, там и я умру и погребена буду".

Руфь 1:16-17.

Пролог

Плывут года синеющею далью,
Глубокий вздох порой колышет грудь...
Восторг души сменяется печалью,
И дух усталый хочет отдохнуть...

А за спиной - не сбывшиеся грезы,
Как мокрый ворох листьев золотых,
Сметенных ураганом жизни грозным
Лежит, политый из очей моих.

Громадой туч житейского кошмара
Небесный свод кругом заволокло...
Вслед за ушедшей - вновь нависла хмара...
Тернистый путь мой пылью замело...

И желтой мглой мне застилает очи,
Рукой шершавой ветер бьет в лицо,
Назад вернуть меня он, видно, хочет,
Пугая тенью хмурых мертвецов...

Немало их прошло тропою этой,
Влачивших свои тягостные дни...
И в погребальных саванах одеты,
Теперь пугают путников они...

Но не страшат они меня собою...
Могильный хлад я испытал не раз...
Не раз тропа, что вьется подо мною,
Слезой горючей полита из глаз...

Любимый кров из глаз не исчезает...
Мечта больное сердце теребит...
Слеза на землю медленно стекает...
В густой пыли запрятаться спешит...

И, торопясь, узорчатой каймою
Земные дни проходят чередой...
Одна мечта сменяется другою,
Но цель одна и та же предо мной.

Во тьме веков бессмертными лучами
Та цель сияет истиной святой,
И лишь видна сердечными очами,
Блистая ярко утренней звездой.

Лишь на нее смежавшиеся очи

Подняв, с надеждой я шагаю вдаль,
Пусть светлый день закроет сумрак ночи
Звезды лучей мне не затмит печаль.

И если смерть костлявою рукою
Страницу жизни грозно повернет, -
В страну небес, к блаженному покою
Меня звезда святая приведет.

1 часть

Тебе, моя подруга дорогая,
Спешу я эти строки написать.
Стихом моим я искренне желаю
Любви святое чувство передать.

Я помню день, когда рукой дрожащей
Тебе впервые строки написал,
И тайники души моей скорбящей
Тебе одной тогда я передал.

И диких гор суровое молчанье
Святой мольбой я к небу нарушал...
Лишь вторил мне, при северном сияньи,
Могучий хор угрюмых серых скал.

Один я был среди природы дикой,
В душе святую истину храня,
Но по любви и милости великой
Бог не оставил в горести меня.

На крайний север, с пламенного юга
Ты протянула руку, не стыдясь,
Во мне нашла ты дорогого друга,
Для дней земных в любви соединясь.

В далекий путь Господь, благословляя,
С креста святую руку протянул,
Свою любовь, в мученьях умирая,
Обоим нам с тобою Он вдохнул.

Святому делу, жертвуя собою,
Оставив сзади светлые мечты,
Отдали жизнь, и об руку с тобою
Пошли мы вместе, я и ты.

И ледяным халатом перед нами
Тряся, ревниво Север провожал,
А жаркий юг зелеными ветвями
Навстречу нам приветливо махал.

Сияя золотистыми лучами,
Перед нами солнце устилало путь,
Людским теплом и добрыми речами
Любовью нежной согревало грудь.

Так, распахнув любовные объятья,
Нас встретил юг прохладою аллей,
В семью святую приняли нас братья,
Среди которых мы нашли друзей.

И плод любви так нежно прижимая,
Мы целовали, щечки теребя,
Дарили щедро ласку и вниманье,
В улыбке детской видели себя.

Заботу дня нередко забывая,
На Божий труд мы шли с тобой, сестра,
А ветерок, красиво напевая,
Ласкал лицо прохладою утра.

Мы шли, горя душою молодою,
Не зная, что нас ждало впереди,
Господь нас вел пронзенною рукою
По узкому, тернистому пути.

Но скоро тьма кошмарная закрыла
Над головою нашей небосвод,
Рукой суровой нас разъединила
И подхватила в свой водоворот.

В последний раз с тоской невыразимой
Любимый кров я ночью покидал...
Лихой беды предчувствием томимый,
Я глубоко и тяжко воздыхал...

Мне не забыть те детские ручонки,
Что целовал с любовью я тогда,
И голосочек радостный и звонкий
Мне не забыть, наверно, никогда!

И, как всегда, с тобой, моя подруга,
Мы в поздний час прибыли на вокзал...
Ох, в дальний путь ты провожала друга,
Лишь Бог один об этом только знал...

Мерцая вслед прощальными огнями,
Зеленый город с грустью провожал...
В немом почтеньи, шелестя ветвями,
Знакомый сад вершины наклонял...

Не для меня, одевшись бирюзою,
Синела даль печальною красой,
И цепи гор, мелькая предо мною,
В тумане скрылись утренней порой.

Не утаил Свою святую волю
В грядущих днях Спаситель от меня,
И в час ночной назначенную долю
Поведал Он, любовью осеня.

Он указал пронзенную рукою
На море зла и горести людской,
Сказав: "Иди к борьбе, а не к покою,
Тебя Я взял от суеты мирской!"

И я пошел. Пучина предо мною
Вздымалась грозно, гибелью грозя,
Но впереди походкой неземною
По гребням волн Спаситель шел, скользя.

Его сквозь бурю видел я порою,
Как солнце лик Божественный сиял,
И в страшный час Он ярко предо мною
Лучами зыбь морскую освещал.

Так грозный рок пучиною седою
Кипел, злобясь, коварство затая,
Как над Ионой, бездна надо мною
Свои сомкнула хладные края.

Приняв меня в дрожащие объятья,
Пугая душу ужасом креста,

С глубоким вздохом повстречали братья
В бетонном чреве страшного кита.

Передо мной отчаянье стояло,
Подобно моря Чермного стена,
И грозным видом душу потрясала
Холодная свинцовая волна.

Над головой раскаты громовые
Неслись, пугая робкие сердца,
А из очей потоки огневые
Дождем обильным падали с лица.

Часть 2

Их было трое. Смелою походкой
Вошли они в судейский серый зал,
И на вопросы радостно и кротко
Из них спокойно каждый отвечал.

Перед судом они не укрывали
В минувших днях свершенные дела,
Христа Заветы свято выполняли,
Неся любовь в людское море зла.

Во тьме греховной узкою тропою
Навстречу буре шли они вперед,
Стремились с верой к вечному покою,
В борьбе с неверьем, с множеством невзгод.

Рукой любви из ямы поднимали
Того, кто сбился с Божьего пути,
Слепым - Источник света открывали,
Спешили их к Иисусу привести.

Несли они скорбящему народу
Святую весть Божественной любви,
От рабства зла - желанную свободу,
Грехов прощенье - в Праведной Крови.

И в грозный час ни делом, ни речами
Не отреклись от истины святой,
Но отовсюду злобными очами
На них глядели с яростью лютой.

Пытливым оком судьи поглядели
В лицо троим свидетелям Христа,
В последний раз узнать они хотели,
Что скажут им нелживые уста.

Любовным взором злобу озаряя,
Открыв для славы Божией уста,
Одна была девица молодая
Из этих трех свидетелей Христа.

Не торопясь, откинувши рукою
С груди назад красивых пару кос,
Она суду открылась той порою,
Как во грехах нашел ее Христос.

Что с этих пор свое дивичье счастье
У ног Его пронзенных обрела,
Оставив грех, пленительные страсти,
Христу навеки сердце отдала:

"Я помню день, когда, не колебаясь,

Обет священный Господу дала,
Ему служить до гроба обещаясь,
За Ним вослед доверчиво пошла.

И уж теперь огня любви Господней
В моей душе ничто не угасит.
Я верю в то, что в бездне преисподней
Его рука Святая сохранит.

Но если даже смерть без сожаленья
Девичий стан рукою обовьет -
В страну небес меня из мира тленья
Его рука Святая приведет".

Затем умолкла речь ее, но очи
Куда-то вдаль направила она,
И как бы вдруг, из полумрака ночи,
Предстали ей былые времена...

Могучий рев летел по Колизею...
В пыли мелькали львиные хвосты...
И христианки образ перед нею
Горел в лучах священной красоты...

В песку она растерзанной лежала,
И будто тихо молвили уста:
"Умрем, сестра! - страдалица сказала, -
Умрем за имя Господа Христа!"

"Умрем!" - твердило сердце без сомненья,
Пылал огонь в душевной глубине,
И утонул на малое мгновенье
Судейский зал в зловещей тишине.

Со всех сторон угрозами дышали,
Никто не смел безвинных защищать,
И адвокаты злобно обвиняли,
Кого должны бы были оправдать.

И если Он пред вековым Судьею
Их оправдал, и смыл греха позор,
То кто же может дерзкою рукою
Им подписать судебный приговор?

Не устрашат смертельные угрозы,
Святое пламя кровью не залить,
Уж близок Тот, Кто за святые слезы
Грядет порочный, грешный мир судить.

Дрожа животным страхом пред судьею
И не стыдясь предательских улик, -
Стоял, одною связанный судьбою
С Иудой, жалкий, сгорбленный старик.

Архипом звали старого "Иуду",
Один он дни земные доживал,
И средь народа Божьего повсюду
Себя слугою Господа считал.

Рабов греха спасительною речью
К ногам Христа он призывал не раз,
А иногда в порыве красноречья
Ронял слезу из стариковских глаз.

И с той слезой предательской, я помню,
В последний раз он руку подавал,
Так в страшный час с приветствием "Раввуни"

Его отец Христа поцеловал.

Когда судимых едкими речами
Судья под хохот стражников пытал,
То, сотрясаясь, дергая плечами,
Архип со всеми громко хохотал.

Ликуй, Архип, твое настало время!
Ты не один сегодня предаешь!
Вас - легион - предательское племя,
Ты, как отец, себя не узнаешь.
(Иуда: "Не я ли, Господи?)

Хоть много лет тебе прошло от роду,
Но нет почтенья старости твоей,
Тем будет легче бедному народу,
Чем меньше будет у тебя детей.

Без вас не может суд земной порою
Судить того, кто праведен душой,
Но близок час, пред Вековым Судьею
Предстанешь ты со всей своей семьей.

Как вор он крался, выходя из зала,
Не укрывал поблекшие глаза,
А у дверей к ногам его упала
С слезой ребенка матери слеза.

Затем в тиши раскатом прозвучали
Слова земного грозного судьи,
Троих гонимых тяжко обвиняли
За весть благую, за дела любви.

И приговор ужасный огласили,
Последнего не слышал старый свет:
Свободы и имущества лишили
На двадцать пять тяжелых, долгих лет.

Но, несмотря на грозное мгновенье,
Их взор великой радостью сиял,
И Сам Господь небесным вдохновеньем
Незримо дух и тело укреплял.

Слова Его утехою звучали
И укрепляли робкие сердца:
"Я с вами вместе в горе и печали
Пойду везде, до самого конца..."

И на глазах гонителей жестоких,
Объединившись, молвили в ответ:
"Прости им, Отче, нас же, одиноких,
Ты не покинь среди житейских бед..."

Увидев братьев радостные лица,
В последний раз с любовью подойдя,
Пожала руки юная девица
Обоим им, из зала уходя:

"Нам не нужна позорная свобода,
Мы не оставим места своего,
Ведь ничего у Божьего народа
Не может быть с лукавым одного.

И с палачами истины Господней
Мы не пойдем по одному пути,
Тяжелый крест, дарованный сегодня,
Готовы мы безропотно нести.

Позор людской мы понесем спокойно,
Разделим боль Христа священных ран,
Чтоб в этом мире свято и достойно
Нести до смерти имя христиан.

Пойдем, друзья, и весть Его благую
Мы под венцом терновым понесем,
И если надо жизнь отдать земную -
Мы отдадим, и с радостью умрем".

"Умрем!" - друзья ответили подруге,
"Умрем!" - пред Богом голос прозвучал,
И громким эхом в дремлющем испуге
"Умрем!" - ответил опустевший зал.

Часть 3

В убор весенний шумная столица
Принарядилась, пробудясь от сна,
Людей сияют радостные лица,
Благоухает свежестью весна.

Но не укрыть зеленым покрывалом
От любящих и бескорыстных глаз,
Того, что за таинственным дувалом *[Дувал - глинобитный забор в Средней Азии.]*
Происходило в этот страшный час.

Не львиным ревом душу потрясает,
Не пламя тело бедное палит,
Об этом Библия лишь вспоминает
Или преданье древнее гласит.

Сегодня сердце раздирают муки
Тоски прощальной и разлуки злой...
Я узнаю протянутые руки
Жены родной, малютки дорогой.

Друзья толпой страдальцев окружили,
Никто слезы из глаз не уронил,
Благословляя, пламенно молили,
Чтоб Бог в пути суровом сохранил.

Походкой твердой смелая подруга
Плечом к плечу родному подошла
И, утешая милого супруга,
Меня за руку бледную взяла.

И, поглядев любовными очами
В мои глаза, сказала на ходу:
"Крепись, и помни: в горестях, в печали
С тобою, друг мой, вместе я пойду.

Я помню день, когда мы обручились
И перед Богом искренне любить
Один другого - свято обещались,
В любой беде друг друга не забыть.

Свою девичью руку положила
В твою ладонь с любовью я тогда,
И помни, муж, что никакая сила
Нас не разлучит в жизни никогда.

И верю я, что Бог наш будет с нами
Среди скорбей, забот и суеты!
Мы пронесем доверенное знамя

Любви святой, жена твоя и ты!

И та рука, которая скрепила
С тобою наши руки в брачный день,
Нас поведет с любовью до могилы,
Даруя нам спасительную сень!"

В глазах родных слезы я не заметил.
Огнем священным взор ее сиял,
И на слова восторженные эти,
Ей поглядев в лицо, я отвечал:

"Молись и жди, любимая подруга,
Придет конец разлуке нашей, верь!
Ты вновь откроешь для родного друга
В родимый дом рукой своею дверь!

Ты не жалей того, о чем мечтали,
И обо мне ночами не грусти,
Тяжелый крест в неведомые дали
Нам суждено безропотно нести.

Пусть разорен могучим ураганом
Надменности, жестокости людской
Очаг родной наш, Господом нам данный!
Мы восстановим вновь его с тобой!"

Судейский двор гудел от многолюдья,
Среди него - конвойников стена,
С довольством руки потирали судьи,
На "подвиг" свой любуясь из окна.

От зноя пот с лица на землю капал...
Вдруг детский голосочек прозвучал.
Звала меня моя дочурка: "Папа!" -
В толпе друзей ее я увидал.

Мне не забыть протянутой ручонки,
Застывшей в просьбе к своему отцу,
И голосочек милого ребенка,
И ручеек, бегущий по лицу.

Мне не забыть и грубого солдата,
Что предо мной дитя остановил,
Немилосердно, злобою объятый,
Штыком он путь ребенку преградил.

Но те ручонки все еще тянулись
К отцу родному, жалобно моля,
От жгучей боли с силою взметнулись
Родные чувства... Дрогнула земля...

Передо мной, я помню, помутилось
Сиянье дня, закрылися глаза...
И по лицу поникшему катилась
К ногам, сверкая, крупная слеза.

Собрав свои измученные силы,
Я повернулся, чтобы поглядеть
Еще на этот детский образ милый
И навсегда в душе запечатлеть.

Слеза у ней росинкою сверкала,
Ее увидел я издалека,
И огневою каплею стекала
На острие солдатского штыка.

И стон души измученной раздался...
Его рукой хотел я удержать...
Но как того, кем часто наслаждался,
Без горьких мук от сердца оторвать.

О, кто бы мог мне сострадать, не знаю!
Лишь только Тот способен был понять,
Кто, за людей в мученьях умирая,
Не позабыл свою родную мать.

То мой Господь! Лишь Он в минуты эти,
Казалось мне, склонился надо мной,
Священный Лик Его, как я заметил,
Ко мне горел Любовью неземной.

Не сомневаясь, с верою живою
Тогда я на Него взглянул с мольбой,
И будто слышал скорбною душою:
"Не унывай, повсюду Я с тобой!"

Да, Ты со мной, и в этом нет сомненья!
Путем тернистым многих Ты ведешь!
Из века в век, в грядущих поколеньях,
Сердцам людским Свой мир святой несешь.

Живым кольцом с любовью окружили
В последний раз на выходе друзья,
И передать очами поспешили
Того, что словом вымолвить нельзя.

Десятки рук в прощаньи потянулись,
В любимых лицах путались глаза,
И на ладонь дрожащую скатилась
От состраданья чья-нибудь слеза.

Хотелось всем, стоя в немом почтеньи,
Страдальцам руки трепетно пожать,
Согреть приветом, лаской, утешеньем,
Сердечной, скорой встречи пожелать.

То не родство плотское съединило
В народ единый многие сердца,
Иисуса Кровь их к жизни возродила,
Спасла Любовь Небесного Отца.

Единый Дух Божественный в них дышит,
Тернистый путь один у них лежит,
Один Господь моления их слышит,
Одно блаженство им принадлежит.

И никакая вражеская сила
Союз любви не может разлучить.
Забота Божья впредь и до могилы
В нужде страдальцев будет находить.

В далекий путь друзья, благословляя,
Нас проводили за стальную дверь...
И той разлуки час, не забывая,
До этих дней я помню, как теперь.

В железной клетке, обнимая друга,
Запели гимн победы и труда,
И за стеною юная подруга
Святым припевом вторила тогда:

"О, братья, вперед, против бури -
В руках наших весла и челн,

К сияющей вечной лазури
Проложим мы путь среди волн.

Грозит ли жестокой волною
Бушующий моря простор,
С надеждой, что буря минует,
Мы к небу поднимем наш взор.

Мы бури не раз пережили,
И снова борьба предстоит!
Усталый борец, не смущайся,
Твой Кормчий не дремлет, не спит.

Отчизна твоя недалеко,
И бурям настанет конец!
Там встретимся снова с друзьями,
Где в вечности ждет нас Отец.

Уж слышатся чудные звуки,
Несутся с небес, как поток,
Возьми же весло в свои руки,
Уж берег родной недалек!

Вперед, против бури боритесь
С последней житейской волной,
Достигнуть тот берег стремитесь,
Где вечность и дом наш родной".

Напев могучий вырвался на волю,
Слились в одно родные голоса,
И понеслась в торжественном раздолье
Святая песнь высоко в небеса.

Ликуй и пой, обитель неземная!
С высот небес внемли хвале святой!
Пусть льется песнь от края и до края
Над обагренной кровью землей!

И, догоняя мрачную машину,
Десятки рук тянулись позади...
До этих дней я мрачную картину
Запечатлел в страдающей груди.

И где бы ноги наши не бродили -
Во мгле, иль в дебрях тяжкого пути,
Везде с любовью, в скорби находили
Нас эти руки после, впереди.

Не раз они с любовью издалека
Нас окружали множеством забот,
В глухой тайге далекого Востока,
На берегу Амурских серых вод.

Иль в глубине заснеженной Сибири,
Среди ветров, порой в жестокий час,
В людском обширном, необъятном мире
Они с любовью находили нас.

Когда печалью сердце раздирало,
Они с утехой торопились к нам.
И там, где мглою очи застилало,
Вели они к заветным берегам.

Но между них нередко замечали
Мы две руки, средь горя и нужды,
На тех руках огромные зияли
Глубоких ран кровавые следы.

Так с высоты святого Елеона
Они ведут средь бури и невзгод
В страну чудес, к небесному Сиону,
Под сенью ран искупленный народ.

Часть 4

Восход зарей кровавой обагрился...
На лепестках искрилася роса...
От сна шумливый город пробудился,
Цветастым оком взглянул в небеса...

Как исполин, одевшись в багряницу,
Светило дня поднялось над землей,
И раскаленной медью над столицей
Дышало небо, источая зной.

Этапный двор покрылся торопливо
Людским потоком считанных колонн,
А на пути железном суетливо
Формировался дальний эшелон.

Затем людьми вагоны набивали,
Пугали грудь тревожные гудки,
И там, и сям под солнышком сверкали
Конвойных рот зловейшие штыки.

Пятном легло глубокое раздумье
На арестантских лицах у людей...
В далекий путь сурового безлюдья
Их увезут от дорогих семей...

И затаилась тягостная дума
В душе моей, как помню я тогда:
Узнают ли в стенах родного дома,
И на прощанье придут ли сюда?

Да кто же мог сочувственной душою
Разлуки час домой оповестить,
Когда кругом дышало все злобою,
Кто рисковал любовью послужить?

Но у любви святой свои законы,
И от нее в секрете можно ль скрыть
Далекий путь этапного вагона,
Чтоб на чужбину друга проводить?

Не место тут зловещему сомненью,
С живою верой взглянул я в окно,
Свою жену увидел к удивленью,
От ликованья сделалось темно...

Она пришла. Не может быть иначе,
Святой любви не свойственно шутить.
Она пришла с молитвою горячей -
В мой скорбный путь меня благословить.

И кто бы знал, каким огнем сияли
Жены родной опухшие глаза!
В далекий путь они благословляли
И не далёко в них была слеза.

Но сколько надо мужества святого,
Чтоб в этот раз слезы не уронить,
И ею сердце узника родного

В тяжелый час огнем не опалить.

"Не мучь себя, - сказал я той порою,-
Дай волю всем мучительным слезам,
Ты не забудь, что ангельской рукою
Их понесут к далеким небесам!"

И полились потоки огневые...
Поколебались, дрогнули сердца...
Подняв глаза в минуты роковые,
Молили мы Небесного Отца:

"Хвала Тебе, что жертвою святою
От рабства зла освобождены мы,
И дорогою куплены ценою
В удел святой от злого князя тьмы.

В тяжелый час мучительной разлуки
Ты помоги на жертвенник святой
Нам положить, превозмогая муки,
Один другого собственной рукой.

Чтоб нам прославить Боже правый,
Ты поспеши на это силы дать,
Ведь мы должны, что Ты рукой державной
Соединил - от сердца оторвать..."

"Молю и я! Ты воспитай сыночка,
В нужде подругу, Боже, не покинь,
И за отца утешь малютку-дочку...
Тебе хвала и честь за все. Аминь".

Эпилог

Свисток кричал у нас над головами,
Железным лязгом скрежетал вагон,
Горя во мгле сигнальными огнями,
Скользил стальною лентой эшелон.

Кружилось все в очах передо мною...
Сдавило грудь тоской прощальных мук...
А за решеткой крепкою, стальною,
В глазах мелькала пара милых рук.

Роняя слезы на землю, бежала
За эшелоном бедная жена,
И на прощанье трепетно махала
В руке платочком беленьким она.

Но все быстрей крутилися колеса
И увозили друга на восток,
А по краям дорожного откоса
Клубился ветром поднятый песок.

Во мгле вечерней, сзади утопали
Края родные в зареве ночном,
А пред очами все еще махали
Платочком белым руки за окном.

...И шли года зловещей вереницей:
Кошмар дневной сменяла ночи тьма...
Но скорбных дней - страницу за страницей
Великий Бог писал в свои тома.

Послесловие к поэме "Подруга"

Брат Боровков Виктор Алексеевич, корреспондент журнала "Баптист", прочитав поэму "Подруга", откликнулся на неё экспромтом сложенным стихотворением, и выслал в адрес автора, который с благодарностью использовал его в качестве "послесловия"...

...Давно я не писал стихами,
Давно не волновалась кровь,
Но вот стихи возникли сами
И оживили сердце вновь...

Хотя и тяжела обитель,
Где царствовала смерти тень,
Но с вами был Господь-Спаситель,
И вы с Ним были каждый день.

Пройдя там годы заключенья,
Вы устояли на пути...
Бог изменил времен теченье,
И вас повел за Ним идти.

И как Христу открыл гробницу
Наш Всемогущий Славный Бог,
Петру Он отворил темницу,
И кто иной так сделать мог?

...За вашу верность и терпенье
Наш любящий и верный Бог
В награду дал освобожденье,
И только Он так сделать мог!

Господь Свои назначил сроки,
А суд людей пересмотрел,
И прекратил стенанье, вздохи -
Свободу дать вам повелел.

В. Боровков

Гефсимания

Это стихотворение, в необработанном виде, случайно попало в руки автора. Не зная стихотворца, но обнаружив в сочинении красивые творческие приёмы, уловив замысел, автор взял на себя труд придать произведению достойный литературный вид.

Часть 1

Смертельной борьбою и мукой томимый,
В саду Гефсиманском стоял Он один,
Отцу Всеблагому страдающий Сын
Пал ниц и молился в тоске нестерпимой:

"Отец Мой, молю Тебя, если возможно,
Чтоб чаша сия миновала Меня,
Но воля да будет Твоя, не моя",
И шел Он к апостолам с думой тревожной.

Апостолы спали под сенью оливы...
Учитель же занят был мыслью одной,
И тихо сказал им: "Ведь часа со Мной
В горячей молитве побыть не могли вы!

Молитесь! Дух бодр, плоть немощна ваша"
И шел Он, как прежде, молиться опять:
"О, если не может Меня миновать,
Не пить чтоб ее, эта скорбная чаша!

Как хочешь, Отец Мой!" - и ужас смертельный

По-прежнему с силой объял Его вновь,
И пот Его падал на землю, как кровь,
И Сам Он томился в тоске беспредельной.

Молчало кругом все, и сном беспробудным
Апостолы спали, а Он подходил,
Будил их и снова скорбел и тужил,
Молился и страждал в борении трудном.

О, если к Нему бы с моими мольбами
В саду Гефсиманском явиться я мог,
И видеть следы от Божественных ног,
С Ним рядом стоять, заливаясь слезами...

О, если б, где чашу Он ждал роковую,
Где так одиноко страдала Любовь,
Где пот от лица Его падал, как кровь,
Я мог бы лобзать эту землю святую!

О, если б в ту страшную ночь искупленья
Страдальцу святому в изнывшую грудь
Любя, сострадая, хотя б кто-нибудь
Влить слово единое мог утешенья!

Но в муке смертельной один Он томился,
И тихо все было во мраке ночном...
Лишь спали апостолы тягостным сном,
А Он тосковал и за них же молился.

Не знали они, что грозит им невзгода,
Что в сад Гефсиманский входили тайком,
Влекомы Иудой, с дрекольем, с мечом,
Злобой разъяренные толпы народа.

Часть 2

Сгущалась ночь поля, луга окутав мглой...
Кедрон журчал, в испуге замирая...
Шурша листвой, по саду пробегая,
Прохладный ветер проносился над землей...

И, роносясь во мгле, так ясно слышал он,
Как, нарушая тишину ночную,
Печаль скрывая и тоску лютую,
В немом саду Страдальца Неземного стон.

Ему ниспосланный мучительный искус
Отсрочить, либо миновать желая,
Прилежнее колени преклоняя,
В тот миг молился, воздыхая, Иисус.

В ответ на скорбь томящейся Его души
К Спасителю нисшел посланник рая,
И Дух Его в страданьях укрепляя,
С Иисусом рядом бодрствовал в ночной тиши.

Вот смолкло все. Спаситель наклонился вновь
К ученикам, от сна их пробуждая...
Навстречу вышел Он, лицом сияя,
Толпе озлобленных Салимовых сынов.

Иуда, пред толпою страшной предстоя,
При свете факела встал, замирая...
"Кого вы ищете, во тьме блуждая?
"Иисуса ищем, Назорея..." - "Это Я!..."

О, Гефсиманский сад! Кому неведом ты
Из тех, кто следовать за Ним решился?
Спаситель лишь тому открылся,
Кто испытал твой жуткий час... твои кусты...

Братьям-близнецам

(Посвящается "золотой середине" - нейтральным и отступникам из ВСЕХБ)

Это стихотворение было написано в период возникновения христианских общин, независимых от религиозного центра. Мотивом к этому послужила упорная духовная война между служителями-отступниками и автором, так как он неоднократно в проповедях обличал их грех отступления от истины. Не раз, за особо благословенные проповеди, ему приходилось переносить суды служителей, которые впоследствии возглавили так называемые "нейтральные" общины.

Нет, не оставлю, пусть и тесен
Суровый путь мой и далек,
К избранью Бога буду честен,
Хотя я устал и изнемог.

И не дождутся фарисеи,
Что их друзьями назову,
Нет, пусть отступники-злодеи
Не ждут во сне, иль наяву,

Когда в сраженьи упаду я,
Нарушив с Господом Завет,
Иль, вдруг с любимыми враждуя,
Расстанусь в ссоре с ними! Нет!

Не потому, что похваляюсь
Своей натурой я плотской,
Нет, за себя я не ручаюсь,
Есть Поручитель верный мой!

Была пора, когда без лести,
С душой голодной, но живой,
Искал я с христианской честью,
Кто мой желанный, кто родной!

Но... Боже, Боже милосердный!
Кого я встретил на пути?
С кем должен был Твой труд усердно,
Твой крест безропотно нести?

Все те ж, кто и Тебя толпою
С ехидством в сердце окружал,
Кто вместе с чистыми душою
На тайном вечере лежал.

И думал я, ужель нечестью
Не будет больше и конца?
Ужель все фарисейской плесенью
Покрылись добрые сердца?...

Но благость Божья непреложна...
Нашел я тех, кого искал,
Чью доброту немногосложно
Поэт Полонский воспевал:

"Нет, я встречал людей с душою...
Счастливых, добрых и простых,
За них мирился я с судьбою,
И сердцем счастлив был при них;

Я отдыхал в их тесном круге,

Их ласкам верил, как добру,
Я видел брата в каждом друге,
И в каждой женщине - сестру..."

Не к ним, не к ним душа пылает
Святою ревностью, а к тем,
Кто "другом" льстиво называет,
Кто к правде Божьей глух и нем!

Пусть эти строки огневые,
Быть может, уж в последний раз
Сердца лукавые и злые
Пробудят к жизни в поздний час.

Боязливым...

(Золотой середине)

Я с вами плакал и молился,
Трудился вместе и страдал,
Но, Слава Богу, разлучился,
Терпеть вас дальше перестал.

Моим служеньем вы гнушались,
Словам противились моим,
Уничижали, величались,
Хвалились "подвигом" своим.

Меня вы "братом" называли,
А в сердце был я вам не брат,
Хоть вы меня и обнимали,
Но той любви я был не рад.

Чужим сидел я между вами,
Всегда виновным, не таким,
Какими были в сердце сами,
Нет, не был и не буду им.

В "советы" ваши не входила
Моя душа, я "гордым" слыл,
И если б не Господня сила,
Давно б я вами распят был.

Когда же на "судах" бесчестных
Душой моей я изнывал,
Ваш круг, потомственный и тесный,
Там надо мною ликовал.

Ведь, если мой Учитель - "змеи!"
Вас осуждая, называл,
То яд укусов ваших всею
Моей душой я испытал.

Нет слов, родня у вас большая,
Достопочтенные "отцы",
Семья ВСЕХБ вам не чужая,
Не просто братья-близнецы...

...И неверным

(отступникам)

Что ж! Боязливым и неверным
Один удел, одна судьба!

Так будьте все же откровенны:
Страшнее ада вам борьба?

Для вас почет дороже правды,
Чревоугодия рабы!
Льстецы, служители неправды,
Позолоченые гробы...

Нас разделил огонь страданий,
Лопата на гумне Христа,
Судейский зал, где показали
Вы на свидетелей Христа.

Потоки слез не высыхают
У жен, сирот и матерей,
Ведь до сих пор еще страдают
От ваших правил и статей.

Попытки ваши к примиренью -
Лукавый замысел дельцов,
Вы чужды стали поколенью
Самоотверженных борцов.

Оно родилось в дни неверья
На смену узникам-отцам...
Им чуждо ваше лицемерье,
Патриархальность ваша - срам!

Заветы Божьи вы отвергли!
Вам Божий страх не нужен стал!
Христа с престола в Церкви свергли,
В дверях у храма "Ирод" встал.

Терпела Церковь вас годами,
Свободы, радости не знав,
И, обливаясь лишь слезами,
Читая страшный ваш "устав".

Настало время, вас извергла
Христова Церковь, как врагов,
"Уставы" ваши все отвергла,
Освободилась от оков.

О, вы! тупых злодеев племя,
Подобострастия рабы!
В дверях пророческое бремя
Последней Божией трубы! (1 Кор. 15:52; 2 Петр. 3:10)

Хоромы ваши, как солома,
В огне отмщения сгорят,
А вы, как жители Содома,
Напрасно будете бежать!

И те, кому вы здесь служили,
Кому старались угождать,
Без страха тайно с кем грешили,
Вас будут вечно проклинать...

Убойтесь Бога! Содрогнитесь!
Раздайте ваши барыши,
Покайтесь! С Богом примиритесь!
Покой найдете для души.

За что?

(Аллегория о Голгофе)

В 1954 году, в лагере, в один из воскресных дней автор аллегории, получив посылочку из дому, пришел посетить брата-благовестника Молдавии и Бессаравии - Онищенко Максима Григорьевича, заключенного за свидетельство Иисусово.

Во время чаепития брат-старец провел назидательную беседу о цели и смысле их страдания. После его слов автор попросил чистой бумаги и предложил старцу немного отдохнуть, на что тот охотно согласился. Неудержимый поток мыслей, по вдохновению от Духа Святого, овладел автором и он, едва успевая, записал их в течении короткого времени. Когда написанное было прочитано пробудившемуся брату Онищенко, они вместе в горячей молитве отблагодарили Господа за этот духовный подарок.

- За что? - глухим, как эхо, голосом раздалось в тюремной камере. "За что?" - отозвалось в моем смущенном сердце, когда я, вдали от друзей и семьи, оказался в отчаянном положении заключенного. Стоны и тяжелые вздохи в соседних камерах не давали забыться.

Воображение рисовало солнечные долины и горы Азии, любимые и дорогие лица друзей, малютки-дочки, жены, милых старичков... Дорогая свобода... Душа рванулась ко всему этому навстречу, но железные решетки преградили ей путь.

Горячая молитва полилась из глубины души к Тому, с Кем была связана вся моя жизнь. Молитва помогла выйти из этой ужасной камеры-одиночки, чтобы склониться у подножия Голгофского креста.

Охватившее отчаяние было готово обрушиться на меня со всей своей тяжестью. Смертным холодом повеяло от этой бездны. Мрачная, черная, как кошмарная ночь, надвигалась будущность. Но какая-то неизъяснимая, невидимая рука удерживала эти рокочущие, чудовищные волны отчаяния.

Мой Бог, на Которого я уповаю, послал мне на сердце тишину и покой. Уста зашевелились, полились слабые неровные звуки гимна:

"За страдающих братьев-люд ей,
Помоги, Боже, все мне отдать,
Чтоб из бездны греховных сетей
К вечной правде небесной поднять..."

Затем, нарастая, эти звуки превратились в стройное, сильное пение, которое раздвинуло стены камеры, полилось в тюремный коридор и наполнило все здание. Казалось, что даже эти мертвые стены вторили песне могучим припевом:

"За людей, за людей
Помоги, Боже, все мне отдать,
Чтоб смелей и скорей
Мог я гибнущих братьев спасать..."

Вслед за песней душа вырвалась из этой душной камеры на безбрежный простор, взвилась ввысь, и в своем полете, как птица, запела:

"Тому, Кто смертью крестной
И кровью нас спас,
Споем благодаренье,
Споем сто тысяч раз..."

Но в это время дверь камеры внезапно открылась. Меня перевели в другое место. Через сутки я оказался в подземельях политической тюрьмы, в одной из ее бетонных камер. Поблекшие, бесцветные лица ее обитателей испуганно и в недоумении встретили меня у захлопнувшейся железной двери.

- За что? - это был первый вопрос, который мне задали. С радостным трепетом в душе я ответил: "За Христа!"

Потянулись мучительные дни. Безысходное людское горе до краев переполнило эту бетонную клетку. Могильная тишина сдавливала грудь, казалось, что эти стены были готовы в любую минуту задушить в себе их обитателей. Злобные окрики тюремной охраны, раздающиеся от "волчка", подхлестывали, как плеткой, трепещущее сердце. Смертельным холодом веяло отовсюду: от жестоких лиц надзора и всей тюремной обстановки, от ее стен, воздуха и даже от тюремной пищи, от безнадежных взоров товарищей.

Эта могильная тишина подземелья часто сменялась адской атмосферой в комнате следователя.

Душу охватывало адским пламенем от ложных улик, злобы следователей.

Человек невольно чувствовал здесь себя, как загнанный, беззащитный зверек... После нескольких часов такого мучительного допроса, он вновь оказывался в объятиях подвала, где проходили долгие бессонные ночи.

В первые минуты раздается вздох облегчения, но мысли не дают покоя. "За что?" - все чаще звучит этот вопрос, все сильнее он захватывает душу.

"За что?" - неудержимо теребит трепещущее сердце. "За что? За что? За что?" - с воплем раздается крик истомленной, уставшей души. Взор останавливается на узкой полоске голубого неба в окошке, под потолком камеры. Душа встрепенулась, какой-то огонек радости промелькнул в ней. Вот где можно найти успокоение и получить ясный, исчерпывающий ответ. И душа сразу рванулась туда, в ту синеву небес; уста зашевелились в тихой молитве. Как бы робкими шагами душа выходит из этого подвала к подножию

маленького холма - это Голгофа.

Часть 2

Из Иерусалима, прямо по направлению к Голгофе, движется большая толпа народа. Черные молчаливые места. Шум толпы все более и более нарастает... Впереди, окруженный цепью римских солдат, с окровавленным лицом идет Христос. Рыдающая толпа женщин старается пробиться к Нему ближе, желая чем-либо облегчить Его мучения.

На миг Он останавливается, переводя дыхание, и из запекшихся уст вырываются слова увещания: "Дщери Иерусалимские, не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших!"

Пройдя немного вперед, обессиленный, Он падает под тяжестью креста и, сопровождаемый злобными окриками, поднимается вновь. "За что? -т- невольно вырвалось у меня. - Крест возложили на другого?"

Вот Он подошел совсем близко. Колючки тернового венца глубоко впились в Его святое чело, сгустки запекшейся крови смешались с волосами, опухшее от побоев лицо (Мф. 27:29-30) было обращено на холм.

"Столько был обезображен, паче всякого человека, лик Его и вид Его, паче сынов человеческих". Ис. 52:14. Вся эта окружающая толпа, провожающая Его, через некоторое время возвратится опять в свои дома, а Он идет, чтобы здесь умереть.

Последнее усилие, - и Он на вершине холма. Весь холм покрывается многолюдной толпой. По пересекающимся дорогам все больше и больше стекается народа.

Христу было приказано лечь на крест. Десятки рук потянулись и сорвали с Него одежду. Затем грубые руки воинов растянули на древе креста и без того воспаленное, избитое Его тело. Огромные ржавые гвозди прикоснулись к Его нежным рукам.

Взор в невыразимой мольбе был обращен в синеву небес. Затем последовали, вначале глухие, а потом громкие удары молотка. Кровь алой струей брызнула из ран. Душераздирающий крик мучительной боли вырвался у Вартимея, сына Тимеева: "За что? Ведь эти руки открывали мне глаза?!" Толпа вздрогнула, задвигалась...

Усилием многих рук дерево креста было поднято над толпою, и на нем Он - Христос. Из разливающихся ран ручьем лилася кровь.

Толпа на мгновение замерла, как бы в оцепенении...

Теперь Христос был виден всем, ибо возвышался над головами всех. Каждый со своего места мог видеть Его, умирающего, поникшего окровавленной головой.

- Смотрите! Все смотрите! Это ваши руки пригвоздили Его! - говорила природа.

Я подошел к толпе некогда прокаженных людей, которые с воплем, смотря на крест, спрашивали друг друга:

- За что? Ведь совсем недавно эти пронзенные ноги принесли нам жизнь и исцеленье.

- За что? - стоя рядом с ними, спрашивает исцеленный из Вифезды, - ведь недавно эти пронзенные руки подняли меня с моей ужасной постели!

А вот, безутешно плачущая женщина, смотря на крест и хитон Христа в руках воинов, спрашивает: "За что? - (Мф. 27:55). - Ведь это тот хитон, к которому я, прикоснувшись, совсем недавно получила исцеление!"

Где-то совсем рядом, Лазарь, еле удерживая своих рыдающих сестер, Марфу и Марию, с невыразимой душевной болью смотрит на эти драгоценные замолкшие уста, неделю назад вызвавшие его из могилы.

- За что? - рвется Мария к тем пронзенным ногам, у которых она так любила проводить самые лучшие часы своей жизни (Мф. 15:41).

А вот, затерянный в толпе Петр, рыдая, потрясает своей седой головой и, глядя на руки Христа, спрашивает: "За что? Ведь это те самые руки, которые вытащили меня из морской пучины..."

Густая тьма покрыла Голгофу и всех ее посетителей. (Мф. 27:45). Эта тьма остановила всякое движение. Но как бы не была густа тьма, она не могла закрыть образ Распятого Христа. Каждый из присутствующих стал задавать себе вопрос: "За что?" Этот вопрос стал еще сильнее мучить меня, и сколько я не искал ответа, я встречал только недоумевающих друзей Христа. В душе я решил во тьме пробраться к подножию креста. Ведь только Он, Христос Распятый, может ответить на мой мучительный вопрос: "За что?" И я пошел, куда влекло мою душу - ко кресту.

По дороге я встретил плотника, распинавшего Христа, - из глаз его падали крупные капли слез, грудь сотрясалась от собственных ударов, а где-то в тайнике этой черной души зарождался все тот же вопрос: "За что?" (Мф. 15:39). У подножья креста находилась убитая горем женщина. Это Мария - Мать Иисуса. В изнеможении она склонилась у креста. О, женщины-матери! Скажите, каким чувством была наполнена ее душа? Ведь над нею - оплеванный, растерзанный, умирающий, - висел ее родной Сын, Тот, Которого она, ещё младенца, крепко прижимая к груди, уносила из Вифлеема, от губителя Ирода. Ведь это Тот, Кто был вскормлен ее грудью. И сколь велики были ее мучения, столько она была выше обычных женщин. Выше тем, что видела и верила в божественность своего Сына. Но вот Он был истязаем. Верила и была убеждена в Его абсолютной святости, непорочности и праведности, - но вот Он осмеян и причтен к злодеям. Верила, что Он, её Сын, был Сыном Человеческим и Сыном Божиим. Она была неустанной последовательницей и свидетельницей всех Его земных дней. Она так же, как ученики, оставила все, следуя за Ним, с материнской ревностью и заботой окружала и служила Ему.

Крепко она обняла дерево креста. С Ним умирала вся ее жизнь, все ее надежды.

Кто мог понять ее? Она как бы вместе с Иисусом была пригвождена ко кресту.

О! Это ужасное оружие, вот когда оно прошло ее душу. (Лук. 2:35).

С нею рядом безутешно рыдал Иоанн, который был согрет теплотою груди Христа. Один вопрос в отчаяньи звучал и у него: "За что?"

* * *

Собрав последние силы, я прильнул к этому ужасному холодному дереву и крепко обнял его. Мне нужны были Его ноги, Его пронзенные ноги, которые принесли мне жизнь. А я их обнимал...

Мне хотелось горячее обнять их, хотелось при этом как бы исторгнуть очи мои (Гал. 4:5). Горячая струя крови потекла по мне, и я понял, что это из Его любящего сердца. Невыразимой теплотою она согрела мою застывшую от скорби душу.

Где-то рядом падали во тьме капли крови из пронзенных рук, и каждая из них говорила: "За тебя! За тебя! За тебя!..." Еще теснее я прижимал Его пронзенные ноги. Но в это время ощутил боль от холодного дерева креста. О, как оно мешало мне обнять Его ноги. Я стал пытаться обнять ноги Христа без креста, как бы хотел оторвать их от дерева, но они оказались крепко прибитыми огромными гвоздями.

И здесь я разгадал великую тайну Его страданий и страданий моих...

Чем крепче я обнимал Его ноги, тем больнее врезалось в меня холодное дерево креста, и чем больнее становилось мне, тем яснее я начинал понимать цену и боль Его страданий, тем ближе я ощущал Его, страдающего. И только тогда я понял: за что!

Я понял, что без креста невозможно обнять Христа.

Без креста невозможно понять Христа.

Ведь если бы не было этих ран, то кровь Его, протекая в Его теле, протекала бы только для Него Самого.

Нужны были раны Его, чтобы кровь Христа, вытекая из них, принесла жизнь всем нам.

Часть 3

Я замер в таком положении и взглянул в Его глаза. Они смотрели на меня, горя нежной любовью и состраданьем, и этот свет озарял окружающую тьму и тьму моего неведения.

Уста Его зашевелились, и я услышал: "Отче, прости им, ибо не знают, что делают!" Но не только Отца умолял Он этим. Он произнес их и моему недоумевающему сердцу... "Прости им, они не знают, что делают".

Вот за что умирал Христос! Он умирал, чтоб жили мы. Он умирал за нас.

Он умирал за нас, но умирал добровольно, проникнутый любовью и состраданием к Своим глумителям. Умирал, страдая, тогда, как в одно мгновение, волею Отца, страдания могли бы обрушиться на Его врагов. Только тогда я понял смысл Его и моих страданий, когда мне открылось величие Его любви в словах: "Прости им!..." Когда и я простил гонителям моим, подражая моему Спасителю.

О, как часто и теперь приходится слышать из уст некоторых христиан, переносящих те или иные лишения за Имя Иисуса, недоумевающий вопрос: "За что?" Это потому, что им не открыт смысл произнесенных Христом слов на кресте: "Прости им!..."

Они не могут простить "им", как простил Он на кресте; смириться, как смирился Он - Бог, Сын Божий, Спаситель мира, "до смерти и смерти крестной". Немало и таких христиан, которые, переживая страдания за Имя Иисуса, сгорают в них, ожесточаются и уходят от Него во тьму внешнюю, откуда их когда-то вывел Спаситель, вместо того, чтобы познать Христа и силу Воскресения Его, через участия в страданиях Его, сообразуясь смерти Его. (Фил. 3:10).

В свое время они не смогли представить себя в жертву живую, благоугодную, как учит Писание (Рим. 12:11). И все это потому, что нельзя понять Христа без креста, как не понимали Его ученики и окружающие Его люди, следовавшие за Ним, как не понимал Его и я.

Христос становится понятным только тогда, когда Его жизнь, истекающая из ран, проникает в сердца христиан, омывает, очищает от всякого греха, и когда Он привлекает нас к Себе на крест. И если мы желаем познакомить людей с живым Христом, то мы, будучи Его естеством, можем это делать, жертвуя свою жизнь за спасение мира, как делал это Он.

Только страдающая Церковь, Церковь в терновом венце, способна явить миру живого Христа. И только через наши страдания, сораспявшихся с Ним, Он становится понятен людям.

Все попытки явить миру Христа без креста на сегодняшний день заканчивались провалом, были бесплодны, безрезультатны. Все заблуждения их всевозможных вероисповеданий, вся их беспомощность против возрастающегося невежества и неверия заключается в том, что Христос проповедуется не распятым, что Он проповедуется людьми, не сораспявшимися с Христом, или распятых не на Его кресте, а на кресте особенного тщеславия, т.е. страдающих для собственного прославления.

* * *

Только у подножья креста мне, сораспявшемуся с Ним, Он ответил на мой мучительный вопрос: "За что?"

И когда я понял это у подножья креста, то я со смирением, сначала робко, а затем бодро запел гимн,

который стал гимном христиан последнего времени:

Приди к нам, о Боже,
Приди, мы устали,
Последние силы слабеют в пути,
Пригнулись к земле мы
Под гнетом печали,
Но дай нам подняться и дальше идти.

Идти за Тобою
На смерть, на мученья,
Страдать за святые заветы Твои.
Зажги в нас огонь Твой,
В часы испытанья
И сердце любовью Своей озари.

В святыню, как прежде, Бросают каменья. Мир гонит по-прежнему Паству Твою. Мир дышит злобою, Коварством и мщеньем, Но дай нам не сдаться В смертельном бою...

Я хотел бы, чтобы этот гимн, с чувством глубокого смирения и полной зависимости от Господа - Владыки жизни, пел каждый носитель Его славного имени, сораспявшись с Ним, и пел его до Его пришествия.

Аминь.

Любящее сердце

(Аллегория)

Находясь в заключении, автор переписывался с одним старцем - одаренным благовестником братства баптистов, который в шестидесятые годы, с группой христиан, посвятил себя служению узникам за Слово Божие. В письмах брат выражал свою глубокую скорбь о падении духовного центра ВСЕХБ, о его отступничестве и греховном соединении как с безбожием, так и другими, чуждыми по духу, религиозными течениями, к примеру, адвентистами, "пятидесятниками", экуменическим союзом. Автор, будучи совершенно единодушен с Петром Ивановичем, под впечатлением переписки, написал эту аллегорию, изобразив в ней надменное лицо ложной церкви и положение церкви Христа по состоянию на 1950-1955 годы.

Недавно я проходил по ярмарке суеты. Дикие оргии этого праздника смерти громко сотрясали воздух. Улицы и площади были битком заполнены его участниками, за исключением площади "Покаяния", ворота которой были заперты, да еще зорко охранялись сонмами "Безбожия".

Во всех движениях этой ужасной толпы было что-то хаотичное, и вся она куда-то спешила. Среди этого хаоса, на главной площади "Вертеп", возвышалась, сидя на черном троне, скрывавшаяся в дыму зловещая фигура коменданта ярмарки суеты, князя тьмы - Люцифера. Он высоко восседал над проходящими, и они как бы его не замечали, однако непрерывно вспоминали его имя. Одеты люди были только в такие костюмы, как он сам.

Весь город погрузился в страшный мрак, несмотря на то, что было благоприятное время дня, да еще и лета.

В вечном календаре этот день именуется днем Спасения, а лето - благоприятным.

Огромная толпа скачущих и кричащих обывателей шумно стремилась на ярмарку в единственные, но очень широкие и празднично разукрашенные ворота - "нечестие". Но никто не замечал того, как с другого конца города, с городской башни "Ложные надежды" выносились и выбрасывались в зияющую бездну до неузнаваемости изуродованные жертвы греха: на краю бездны висела тускло освещенная дощечка с надписью "Ад".

Возвышаясь над морем людских голов, красовались три балагана, разукрашенные всевозможными тканями с обольстительно яркими изображениями. С их трибун, перебивая друг друга, громко зазывали три разодетых владельца балаганов: "Похоть плоти", "Похоть очей" и "Гордость житейская". Они обещали всевозможные наслаждения, каждый по своему ремеслу. И точно: три огромных швейцара: "Болезнь", "Отчаяние", "Смерть" непрерывно выбрасывали из дверей балаганов опьяневших гуляк.

По правую руку Люцифера возвышалось огромное здание, видное отовсюду, и по внешнему своему виду напоминавшее храм, но какой именно, установить было невозможно, хотя над входом была прибита большая вывеска. Однако "ветрами учения" эту вывеску перевернуло наизнанку, и прочитать ее стало трудно, разве только, если подойти очень близко, вплотную к этому "храму", и, встав на колени, взглянуть вверх. Надпись на ней была - "Вавилон".

На самом верху храма красовался золотой крест, какой мы обычно видим на православных соборах. Одна стена здания напоминала магометанскую мечеть, вторая - буддийскую пагоду, третья - лютеранскую кирху, четвертая - католический костел, а внутри было очень похоже на дом молитвы баптистов. Храм был наполнен служителями-жрецами, а облачение их было так же разнообразно и перепутано: пресвитер имел на голове архиерейскую митру, мулла облачен в ризу архиепископа, на голове ксендза - мусульманская

чалма и т.д. Но все они были заняты одним делом, спеша в одном направлении, идя один за другим, не мешая, и лицом были удивительно похожи друг на друга. За зданием храма, закрытый со всех сторон высоким забором "Заблужденья", стоял огромный, раскалённый стальной идол на глиняных ногах, подобно древнему "Молоху". Руки его были протянуты вперед и ладони сложены в пригоршни, а к пригоршням поднимались полусгнившие ветхие ступеньки.

Один за другим жрецы выходили из дверей своего уникального храма, неся в руках истекающее кровью людское сердце или целиком младенца. С поспешностью они бежали за здание храма и, поднявшись по ступеням, закрыв глаза, бросали свою жертву в раскаленные ладони идола.

За каждое такое жертвоприношение они получали благодарную улыбку Люцифера, внимательно наблюдавшего за этой церемонией.

Из-под угла здания храма вытекала кровь принесенных жертв, и ею были запачканы ступени храма и все вокруг него. Ноги и руки жрецов были также в крови.

Воздух был раскален нестерпимым зноем "Злобы". Нигде на всей ярмарке невозможно было достать хотя бы глоток холодной воды, т.к. Люцифер издал строжайший приказ о запрещении пользования водой. Для утоления жажды всюду продавались крепкие спиртные напитки. От многолюдия все утопало в густой пыли.

И вдруг, среди этого кошмара, сквозь разрывы облаков пыли, я увидел дитя "Любящее", в белоснежной ангельской одежде. Оно неугомонно бегало по всем уголкам ярмарки суеты, прячась в ногах граждан и за их повозками; его можно было увидеть всюду. В руках у него был "золотой кувшинчик", полный чистой холодной "воды жизни". Опьяневшие люди, жадно глотая воздух, или совсем не замечали его, или, разгоряченные лютой злобой, старались поймать и отнять сокровище для личного пользования. Но оно очень ловко и с поспешностью пряталось между людьми и тем из них, кто умирал от зноя, вливало несколько глотков живительной влаги. Выпитая вода не только утоляла жажду, но прогоняла хмель, очищала очи и, ободрившись, люди бежали к выходу из ярмарки суеты, на площадь "Покаяния".

Это явление вдруг привлекло внимание Люцифера, так как несколько человек, спасенных "Любящим сердцем", рванулись к калитке на площадь "Покаяния", поранили солдат "Безбожия" и, взломав замок "Неведения", вырвались на площадь "Покаяния". И в это мгновенье раздался ужасный адский рев Люцифера:

- Ловите это негодное "любящее сердце"!

Все население "ярмарки суеты", по его команде, поднялось искать преступника.

А так как одежда у "Любящего сердца" совершенно отличалась от всех, то его немедленно поймали, но свой чудодейственный кувшинчик оно успело передать на сохранение тетушке "Рассудительность".

Связав виновника, вся толпа с остервенением набросилась на него, пытаясь сорвать с него одежду, но она оказалась чрезвычайной прочности, и так как порвать ее было невозможно, то "Любящее сердце" избили до неузнаваемости, и, бездыханное, все в грязи, бросили к ногам Люцифера.

На миг вся озверевшая толпа затаила дыхание в ожидании ужасного приговора над этим маленьким правонарушителем закона "ярмарки суеты". Люцифер, коварно улыбаясь, с искаженным от злобы лицом, отдал распоряжение окружившим его жрецам: "Вырвать у него сердце и бросить в жертву нашему Богу!"

Немедленно один из жрецов поднял его на могучих руках и на глазах у всей толпы вонзил свой традиционный меч в грудь "Любящего сердца".

Но вдруг, о чудо! Зловещий меч согнулся и со звоном переломился. Однако рвение жрецов было так велико, что это не остановило их, и они общими усилиями все же вырвали из груди бьющееся горячее сердце.

С поспешностью и дикими криками бросились они к жертвенным ступеням. Мгновение, и "Любящее сердце", мелькнув в воздухе, упало в ладони чудовища, раскаленного в семь раз более обычного.

Но что такое? Минута, две, три, - от раскаленных пригоршней не поднялось ни малейшей струйки обычного дымка. Водворилась напряженная тишина, а затем замешательство среди всей толпы. С ладоней зазвучала сладкая небесная мелодия чудного гимна:

"О нет, никто во всей вселенной
Свободы верных не лишит,
Пусть плоть боится цепи тленной
И пусть тюрьма ее страшит!
Но мысли, тьмой порабощенной,
Сам Бог любви свободу дал,
И цели ей, освобожденной,
Доныне мир не открывал!
О нет, никто во всей вселенной
Нас чести нашей не лишит!

Пускай с враждою откровенной
Толпа позором нас клеймит, -
Поднимем знамя правды вечной,
Любовью злобу обовьем.
И честь не в славе быстротечной,
А в торжестве любви найдем!

О нет, никто во всей вселенной
Не похитит богатств у нас!
Пусть на алтарь борьбы священной
От нас возьмут в жестокий час.
И серебро, и что имеем, -
Мы совесть чистой сохраним!
Мы тайной счастия владеем
И ею мир обогатим!

Песнь звучала все сильнее и сильнее, заливая всю площадь.

- Что? Что такое? - заревел встревоженный Люцифер, меча из глаз молнии на недоумевающих жрецов. - В чем дело, я спрашиваю, почему не горит?

Наконец, один из жрецов, выйдя из оцепенения, полный досады и волненья, с трепетом ответил глухим голосом:

- Оно золотое!

Люцифер, придя в сильную ярость, пуще прежнего закричал на всю округу:

- Уничтожить! Замуровать! Заморозить!

И пошло "Любящее сердце" по мытарствам...

Его бросали в леденящий холод Заполярья, но оно не остывало и там. Оно плавило вековые льды бесчувственных, холодных, закосневших в преступлениях сердец, и через малое время с крайнего Севера лились журчащие потоки славы и хвалы Господу Иисусу, веселящие град Господен.

Его кутали в арестантские грязные лохмотья бушлатов, но и там оно светило святою небесною белизною, достигая своими лучами далекие деревни и города, "неверия приют".

Его бросали в круг отверженных презренных каторжан, почерневших от тяжкой доли заживо погребенного человека. Но и там, среди скрежета зубов, проклятий и стонов, оно пело, ликуя свою, до слез волнующую, мелодию:

"Ты радость дал душе в удел,
И я о том молюсь,
Чтоб целый мир Тебя воспел,
Спаситель мой Иисус..."

О нем помнил лишь узкий круг его верных друзей, но оно думало о широком круге неверных друзей его, и служило ненавидящим его святой любовью.

Его так далеко запрятали от дорогих и любимых сердец, но оно стало таким близким и родным не знавшим его.

И когда оно выглянет из черных туч житейского злобного кошмара, что может быть тогда ярче и счастливее его?

Знаешь ли ты что-нибудь о нем? А оно знает о тебе то, что без него тебе невозможно будет: жить, любить и радоваться!

Найди его!

Аминь.

Сестра

"И некоторые женщины, которых Он исцелил... служили Ему имением своим"
Лук. 8:2-3

"Сестра" - это обращение определяет положение женщины как в обществе, так и особенно в Церкви. Женщина может быть снохой, свояченицей, тещей, дочерью, золовкой, невесткой и т.д., но всё это - родственные отношения и ничего более, но понятие "сестра", "мать", "жена", кроме родственного, имеют глубокое духовно-моральное и влияние, и значение в нашем обществе.

Из этих трех определений "женщина-сестра" имеет особое значение. Мать - очень дорогое слово, сущность его исходит от плоти и крови, но оно распространяется на весьма узкий круг - 1, 2, 3, 10 и редко 15 человек. Жена - принадлежит лишь одному человеку - мужу.

"Сестра" же, хоть по плоти может принадлежать только узкому кругу, но как обширно ее духовно-моральное значение.

"Сестра"! - так обращаются, взывая о помощи, во время народных бедствий: войн, землетрясений, эпидемий и т.д., когда так бесценно дорога служба милосердия.

"Сестра"! - так любовно-волнующе называют женщин в христианской среде, в обществе людей, возрожденных от Слова Божия и Духа Святого, т.е. в Церкви. Вот в этом направлении мы и сосредоточим наши рассуждения.

Святая, чуткая христианская душа не может без волнения произносить это слово - "сестра"! Но все ли члены церкви женского пола вызывают к себе это чувство? К сожалению, нет. Какие же качества вызывают в нас по отношению к ним это возвышенное, благородное, святое отношение?

Когда мы видим перед собою христианку с впечатлительной внешностью, со вкусом одетую, с особыми

манерами поведения, она, конечно, привлекает к себе наше внимание, но не своей особой добротой, а внешностью. Ее даже не хочется назвать сестрой, а, скорее, назовешь ее просто по имени - Машей, Светой, Таней...

А вот картина их христианской были...

Далеко в сибирском захолустье, в занесенном сугробами поселке, в полузастывшей избе умирает ссыльный брат без пищи и средств к существованию. На днях его больным, измученным, бросили сюда с этапа. Глядя в закоптелый потолок, он молится. Последние его надежды на жизнь угасают вместе с догорающими угольями в печи.

Вдруг открывается дверь, и в избушку входит молодая женщина с большим рюкзаком на спине, в полушубке и валенках, вся в снегу. Весь день она пробиралась по тайге, по заметанной снегом дороге. От церкви ей было дано задание: разыскать ссыльного брата - служителя, передать ему Библию, продукты, белье, деньги и письма, утешить приветами от родных.

- Мир тебе, дорогой брат! - прозвучал звонкий женский голос. Торопливо сняв рюкзак и раздевшись, она подошла к больному брату.

- Сестра моя! - приподнимаясь и протянув к ней руки, дрожащим голосом проговорил он и с рыданием припал к ее рукам...

Да, это была сестра, и она нашла брата-труженика в тяжелые минуты, чтобы помочь ему и вернуть его к жизни.

Еще одна картина:

... - Сестра, ты здесь? - прошептал умирающий брат, последний раз подняв свои глаза на стоящую у его изголовья сестру милосердия.

Да, и здесь сестра-христианка оказалась на своем благородном посту.

Кто, как не она, может кропотливо нанизывать бисер букв во вдохновенные строки христианских статей, или одним нервом страдать в лишениях с гонимым братством? Кто, кроме нее, жертвуя цветущей юностью, может скитаться в бесконечной людской сутолоке, беззаветно служа народу Божьему, или страдающему брату, среди постоянных опасностей, угроз и поношений? Как без ее теплоты, ласки, приветливости может быть накрыт гостеприимный стол? Как бы он не изобиловал самыми изысканными блюдами, он не будет праздничным без сестры-хозяйки. Кто другой может быть таким близким, чутким, дорогим другом служителю, как опытная сестра-старица, сестра-молитвенница, перенесшая много жизненных бурь и невзгод?

Каким незаменимым украшением учению Иисуса Христа является служение сестер - певицы, музыканта, евангельской книгоноши, миссионера, друга детей...

Сестры - христианки, девушки и жены! Как вы нужны, как вы дороги, как вы близки, особенно теперь, в годину тяжких испытаний, переживаемых братством! Но чем? Не вашей миловидностью и женской обаятельностью, не нарядностью ваших уборов. Господь и Церковь хочет видеть вашу самоотверженность и готовность к пламенному, жертвенному служению, мужество и бесстрашие в сражениях за истину, терпеливое безмолвие в страданиях, верность в искушениях, святую строгость во взаимоотношениях.

Не будем скрывать того, что почти каждая из вас мечтает иметь любящего друга жизни - мужа, а имеющие - чувствовать его таковым! Но знаете ли вы, что для этого от вас требуется?

Никакая христианка не может быть верной и любимой женой своему мужу, если она прежде не смогла быть в Церкви преданной и верной Господу христианкой-сестрой.

Поэтому, подражая одному из поэтов, да будет тебе сказано:

Чтоб в жизни счастливо прожить,
Хочу напомнить я порою -
Женой ты можешь и не быть,
Но как не быть тебе сестрою?

Женщины-христианки: девушки, жены, старицы! Кто из вас еще не твердо определил своего призвания в жизни, кто томится от неопределенности своего положения в Церкви Христа, знайте, что страдающее братство ждет вашего бесповоротного, глубокого посвящения Господу, чтобы с волнующим чувством почтения каждый в Церкви вас мог назвать:

- Сестра моя!

Аминь.

Моление о чаше

Откровение, изложенное в этой статье, посетило автора, когда он находился в заключении, в ответ на его усердные молитвы о том, чтобы Христос открыл ему тайну Гефсиманского борения. Статья была закончена после освобождения из лагеря заключенных.

"И, находясь в борении, прилежнее молился..."

Лук. 22:44

"Боже мой, в ничтожестве моем, я подвергаюсь перед Тобой и дерзаю просить Тебя: по милости и любви Своей, открой мне тайну состояния Души Твоей, которое было у Тебя в Гефсиманском саду, чтобы глубже проникнуть в божественность Твою и ощутить Тебя в себе полнее" - Аминь.

Много умов в течении прожитых веков пытались проникнуть в тайники Души Спасителя и установить, какие причины вызвали в Нем то борение, в каком Он находился в Гефсимании, но не наличие великого ума, а наличие Духа Христова открывает эту тайну рабу Христову.

Одни полагают, что Христос молил Отца, чтобы Ему не умереть насильственной смертью, т.е. умереть любой другой смертью, кроме распятия на кресте. Но для этого надо допустить мысль, что Христос на какое-то время мог оказаться беспомощным и попасть в руки злодеев. Этого никогда быть не могло, так как Он был всегда Богом: Богом родился, Богом был на земле, Богом умирал на кресте и, как Бог, переносил глумления.

От одного слова: "Это Я", в Гефсимании скопище злодеев во главе с Иудою отступило и пало на землю. (Иоан. 18:5-6; и 10:18), не говоря уже о легионах Ангелов Божиих, находящихся всегда в Его власти (Мф. 26:53).

Не мог вызвать борение у Христа и мгновенный страх перед смертными муками, как утверждают другие, так как Божественной природе чувство страха совершенно чуждо - Он всегда был Всемогущ (Иоан. 10:17-18).

Тот, Кто мгновенно прекращал многолетние страдания прокаженного или расслабленного, боль отсеченного уха у Малха и т.д., не властен ли был и над Собою?

Исходя из этих рассуждений, следует заключить, что причина Гефсиманского борения более всего находилась в самой сущности Бога - Сына, а не только Богочеловека.

Великий русский поэт Иван Никитин в своей поэме "Моление о чаше" смог отобразить борение Христа в Гефсимании, как Богочеловека, что именно и распространено в православии:

"Позор людской, позор веков -
Я на Себя все принимаю,
Но Сам под тяжестью оков
Как человек, изнемогаю..."

Главные же причины Гефсиманского борения находятся в Его Сущности как Бога - Сына.

Святая Библия, Ветхий и особенно Новый Завет при благоговейном, смиренном изучении открывает несколько причин, вызвавших столь великое борение у Христа-Спасителя в Гефсиманском саду:

1. Богу-Сыну, вовеки святому, надо было решаться взять на Себя грехи и беззакония мира сего, а с этим взять и возмездие за грех - смерть.

2. Творцу решиться принять на Себя глумление от творения.

3. Требования справедливости, праведности, закона - удовлетворить, решившись все покрыть ЛЮБОВЬЮ.

4. Всемогущему, безгрешному Богочеловеку в ограниченной плоти, испытать на Себе боль Голгофских мук.

Остановимся и подробнее вникнем в каждую из этих причин.

Первая из них: "Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира" (Иоан 1:29), и еще Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни". (Ис. 53:4).

И сказал Он расслабленному: "Тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой". И он тотчас встал пред ними, взял, на чем лежал, и пошел в дом свой, славя Бога (Лук. 5:24-25).

Но почему, разве расслабленный чем-то заслужил это? Нет, Христос по его вере в Него, прежде всего взял его грех на Себя. "И Он, видя веру их, сказал человеку тому: Прощаются тебе грехи твои" (Лук. 5:20).

О грешнице, помазавшей Его ноги, Он объявил всем: "...прощаются грехи ее многие", а ей сказал: "...прощаются тебе грехи" (Лук. 7:47-48).

Один из богословов, проникая в тайну борения Спасителя в Гефсиманском саду, сказал: "Этот момент в какой-то мере был подобен тому, как если бы кто отважился одежду прокаженного, пропитанную гноем проказы, надеть на свое здоровое тело".

Но если бы такой, хоть один из ста миллионов и нашелся, однако людской грех взять на себя никто, кроме Бога, не правомочен. (Лук. 5:21).

О, как тяжко, нестерпимо тяжко бывает нам, когда нас в чем-либо несправедливо обвиняют, но как великодушен и досточтим бывает тот, кто чужую вину берет на себя. Будучи Богом, святым, Он не был обязан этого делать, Он не мог иметь за это никакого вознаграждения от грешников. Он Сам поплатился за это страшнейшими мучениями, когда, пригвоздив грех телом Своим на древо, т.е. получив возмездие за грех, на мгновение почувствовал, что Отец оставил Его. (Марк. 15:34).

Но это еще не все, и справедливость Божия должна была быть удовлетворенной - "Ибо возмездие за грех - смерть..." (Рим. 6:23).

Поэтому Спаситель, взявши на Себя грехи всего мира, взял с этим и возмездие за них: "наказание мира нашего было на нем..." (Ис. 53:5).

Но ведь этот закон Он Сам и установил. Зная все это, Всеведущий Бог в Гефсимании решился, со взятием на Себя греха, - принять и смерть за него. До Гефсимании и Голгофы это было лишь в предвечных планах Отца и Сына, теперь же подошла реальная смерть к Его Телу.

Не предстоящие крестные муки прежде всего вызывали в Нем борение, - Он от воплощения готов был к ним, и не страх перед смертью - Он был и вовеки оставался бессмертным и называл Себя воскресением (Иоан. 11:26), - а сам факт смерти. Ведь акт смерти для Спасителя, живущего в безгрешном, а, следовательно, в бессмертном теле - это самое величайшее чудо и это акт Его доброй воли. Он должен был добровольно подчинить Себя смерти, позволить ей прикоснуться к Нему, это акт величайшего смирения

Бога: "Смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной". (Фил.2:8).

В Гефсимании Он должен был на это решиться при полной и божественно-справедливой добровольности: "Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее..." (Иоан. 10:17-18).

Тот, Кто мертвых воскрешал, Кто говорил о Себе, что Он есть воскресение и жизнь вечная - должен был умереть. Из Гефсимании, идя навстречу Голгофе, Он был Агнец Божий: "...как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим Его безгласен..." (Ис. 53:7).

Однако, умирая на кресте в теле Человека, в существе Своем оставался Богом. Отдать Себя во власть смерти было для Спасителя противоестественным подвигом, тем паче, что держава смерти была тогда еще у дьявола, а сам акт смерти - актом завершающегося глумления. Это была смерть воплощенного Бога, поэтому Тело Его не на миг не могло быть трупом, потому что, как безгрешное, оно не могло быть подвержено разложению.

Второй причиной борения в Гефсимании было то, что Творцу надо было решиться принять на Себя глумление от низшей твари. На протяжении всех Своих земных дней до Гефсимании Христос не испытывал на Себе глумления и прикосновения с корыстной целью. Он либо превосходством приводил противников Своих к молчанию или уклонялся от них во время опасностей.

Все святые, без особой на то воли Божией, были неприкосновенны для обычных людей и охранялись могуществом Божиим: Моисей с Аароном и возмутившийся Израиль, либо Корей, Дафан и Авирон, пророк Елисей и дети, позорящие его, Илья и спаленные огнем пятидесятки, озлобленные фарисеи с камнями и Христос с помилованной блудницей и т.д. Слово Божие и закон Его могущественно охраняли личности святых. О Христе Самом гласило пророчество: "не приключится Тебе зло, и язва не приблизится к жилищу Твоему. Ибо Ангелам Своим заповедает о Тебе - охранять Тебя на всех путях Твоих..." (Пс. 90:10-11). Но вопреки всем законам Христу предстояло перенести на Себе позор, глумление и побои. "Как многие изумлялись, смотря на Тебя, - столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его - паче сынов человеческих!" (Ис. 52:14). "Он был презираем, и мы ни во что ставили Его" (Ис. 53:3).

Если Он Этого не допускал по ревности Своей, по отношению к святым Своим, тем паче, как Бог, Он был неприкосновенен Сам.

До Гефсимании все это было пророческим определением о Христе, Он видел Себя таковым в предстоящих временах, в саду же приближался сам факт. Для Сына Божия надо было решиться допустить глумления, и это также было противоестественным. Об этом решении надо было заявить Отцу Своему, чтобы предоставить неминуемый гнев на сынов противления. "Он истязуем был, но страдал добровольно, и не открывал уст Своих". (Ис. 53:7).

Третья причина борения заключается в том, что требования закона, справедливости и праведности, воплощением чего был Он Сам, должны были быть удовлетворены, так как "...ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все." (Мф. 5:18 или Откр. 22:18-19), а если удовлетворены, то грешник должен быть истреблен. Но Спаситель в удовлетворение Божией законности Себя отдавал в жертву умилостивления. Однако праведность, святость и законная справедливость взывали в Нем Самом; как Сын Божий, Он ничем не был обязан брать на Себя грехи мира. Ведь те блистающие одежды Его, какие привели на горе Преображения учеников в трепет, Он должен был добровольно запачкать людской порочностью (Марк. 9:3), Он Сам свидетельствовал о Себе, что Он - Истина. (Иоан. 14:6).

Пророк Исайя свидетельствует, что Он - Праведник (Ис. 53:11). Иуда сознается, что он предал кровь невинную (Мф. 27:4). Это чувство и голос праведности взывал к Отцу: "Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия". Но в Нем было еще другое чувство: Его назначение, определенное Отцом Небесным, как Агнца Божия, требовавшее умилостивления за грехи мира, поэтому вторая часть молитвы была, как от жертвенного Агнца: "...впрочем, не как Я хочу, но как Ты" (Мф. 26:39), как бы удовлетворявшая голос Праведности. Здесь справедливость законной праведности боролась с необходимостью прощения по любви. И то и другое составляет Сущность Бога (праведность Божия и любовь Божия), поэтому Гефсиманская борьба была в самой сущности Христа, борьба, в которой благодать определилась и вступила в свои права, в результате превосходства любви над праведностью по закону. Он отдан Отцом в умилостивление за грехи мира, потому, будучи Сыном Божиим, Он еще и Сын Человеческий. Какое чувство двигало Им и вызвало третью причину к борению? Несомненно, это чувство всепобеждающей любви Божией к падшему человечеству, чувство, находящееся в недре самого Отца (Бог так возлюбил мир), но воплотившееся в Агнце Божием.

Беря грех мира на Себя, Он брал их не по долгу и призванию Агнца Божия, а по любви:

а) когда Он, прощая грехи, очищает прокаженного от проказы, на мольбу: "Господи! Если хочешь, можешь меня очистить", - отвечает: "Хочу очистить!" (Лук. 5:12-13).

б) Закхею Он говорит: "Закхей! Сойди скорей, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме." (Иоан. 19:5)

в) Наконец, сам акт искупления совершается Им на кресте при Его восклицании более, чем хочу: - жажду! (Иоан. 19:23).

Как факт, справедливый гнев Божий вступил в свои права в той осязаемой тьме, которая нависла над человечеством, при ней никакая жизнь невозможна, она бы парализовала все человечество, это та первобытная тьма над бездною (Быт. 1:12), которая уже была справедливым приговором Бога и только слова любви Агнца, умирающего за грехи мира, остановили эту катастрофу во вселенной: "Прости им Отче, ибо они не знают, что делают!"

В Гефсиманском борении обнаружилось несоизмеримое величие Божие в любви Божией, той любви, которая дотоле была сокрыта от веков и родов в Его недре. Эта та тайна, в которую желали проникнуть

Ангелы. С самого момента ее появления на земле, любовь Божия была никому не понятной. Не понятна по ее воплощению: - "Почему родилась в яслях?" Не понятна людям - фарисеям: "Почему ела и пила с грешниками?" Не понятна ученикам, когда вместо справедливого, всепалящего огня за оскорбление, Она в долготерпении безмолвно переходила к другому городу. Не понятна даже Ангелам, когда, будучи воплощенной, Она была унижена перед ними тем, что терпела жажду, голод, утомление и глумление (Еф. 2:9). До ее воплощения они видели любовь Божию вне времен, в великолепной славе, среди сонма серафимов и херувимов, а здесь Она - поругана, в презрении. Какую невиданную, беспримерную борьбу претерпела Она со злом, невежеством, фарисейской тупостью и черствостью. Но самую великую борьбу любовь претерпела в самом существе Бога-Сына в Гефсимании. Любовь боролась в недре Сына Божия с требованием закона Божия, т.к. Он пришел и исполнил его. Она - праведность, беспорочность и святость по закону - преграждала Собою гнев Божий; великая жертва любви открыла благодать для новой жизни искупленного человечества. Любовь боролась потому, что как закон, так и любовь составляли сущность Самого Христа.

Четвертой причиной борения были предстоящие страдания, которые предвидел Богочеловек, находясь в Теле, это цена искупления человечества; о величии Его Телесных страданий можно сказать, что, по сравнению с людскими, в прошлом и настоящем сии божественно велики. Для того, чтобы приблизить Себя к тем многим, кому Он являет Себя Вождем спасения, кого должен повести за Собою путем страдания, Христос, по благодати от Бога-Отца, решается испытать смертные муки. (Евр. 2:9-10). Безусловно, силы ада давили на Него смертельной скорбью, но эту смертельную скорбь Он позволил Себе ощутить не потому, что смерть для Него была чем-то, а чтобы, переживая ее на Себе, в последующих веках помочь скорбящим Его последователям и заповедать им уже испытанное средство: "Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение; дух бодр, плоть же немощна" (Мф. 26:41). Отцом Небесным, средством к прославлению Его установлено страдание, а оно осуществляется в теле.

Это неопровержимый документ к вечной славе. Поэтому дьявол прилагал все усилия, чтобы Христос не страдал и не умер в страданиях как при искушениях в пустыне, так и на кресте - "сойди с креста."

Все-таки страдания Ему предстояло перенести не только как Сыну Божию, но и Богочеловеку, да и Пилат объявил о Нем: "Се человек!"

Ум человеческий не может себе вообразить даже незначительной частицы той великой борьбы, какая происходила в Гефсимании, того сверхъестественного напряжения. Человеческий глаз мог увидеть только следствие ее - пот, как капли крови. Человек от внутренней борьбы может лишиться зрения, разума и др.

Один юноша в тридцатых годах был безвинно приговорен к расстрелу за убийство, но вскоре подлинный убийца сам явился в тюрьму. Когда невинную жертву отпустили на свободу, он оказался седым мужчиной, вместо юного жгучего брюнета, каким его посадили.

Христос из Гефсиманской борьбы вышел абсолютным победителем. Здесь любовь превознеслась над всеми остальными свойствами Божьего характера и заняла свое тронное место на великом и превознесенном престоле Отца Небесного во веки веков.

Голгофский крест ознаменовал во всей вселенной, вне времени и пространства, в осязаемом выражении победу любви. И ад, и смерть, и дьявол с сонмами падших духов, Смертью и Воскресением Христа - низложены навеки. С тех пор на престоле Славы с Отцом Небесным воссел Сын Его - видимое воплощение победившей Любви Божией.

Отца и Сына видел Стефан, умирая за подвиги любви Божией; видел Апостол Иоанн - проповедник любви Божией; видит Их и низложенная бездна во главе с дьяволом, видит и трепещет.

Под этой сенью победившей Любви покоится Церковь Христа, проходя по пути, проложенному Христом.

Там, в Гефсимании, Любовь победила для того, чтобы воссесть на престоле Славы, чтобы спасенный народ оканчивал свое земное поприще под Его дивным обетованием:

"Се, Я с вами во все дни до скончания века". Аминь

Дух, душа и тело

(Тройственная природа человека)

Размышления о тройственной природе человека занимали автора с нарастающей силой. Толчком к этому послужила некогда прочитанная философская литература. В начале шестидесятых годов, находясь в заключении, после горячих молитв к Богу, автор получил ответ к разрешению этого вопроса, который он и излагает в этой статье.

Человек, как личность, есть совокупность духа, души и тела. "Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух, душу и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа". (1 Кор. 6:20. 1 Фес. 5:23).

Дух

В человеке есть дух его. "Дух Божий говорит духу нашему" (Рим. 8:16.) "Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем". (1 Кор. 2:4; 3:5).

Дух-неизменная субстанция, определяющая личность человека, составляющая его характер, это его "Я", его хозяин. Он вне возраста; дух дитяти и дух старца - постоянная и неизъяснимая субстанция,

руководящая всем человеком.

Дух - субстанция самоопределяющаяся, творимая Ангелами Божиими, и почиет в утробе женщины от семени мужа, определяя этим факт зачатия человека. "Ты Ангелами Твоими творишь духов". (Пс. 103:4, 29-30.) Природа духа неповторима, есть человек сильный духом и несильный. "Твердого духом Ты хранишь в совершенном мире".

Дух может оскверняться, повергая всего человека в бедствие, но он должен стремиться к Божьему: "Очистим себя от всякой скверны плоти и духа" (1 Кор. 7:1). "Итак, берегите дух ваш" (Мал. 2:15-16.) "Сберечь, предупредить дух человека может только Дух Божий". (1 Фес. 5:23).

Дух человека, только соединившись с Духом Божиим, повелевает, и субстанция - основа всех людей - приносит плоды праведности. Человек с человеком, к примеру, муж с женою, прежде всего имеют невидимое общение духов - соединение духов, в противном случае ничто не может их сблизить.

Дух обращенного к Богу человека, соединяясь с Духом Божиим, преображает его всего и совершенно покоряет истине: "плод же духа: любовь, радость, мир и т.д." (Гал. 5:24.)

Освященный Духом Божиим, дух человека покоряет его плоть с ее принципами, осуществляет в человеке смерть, сораспятие Христу: "Но те, которые Христовы, распялись со страстями и похотями".

Освобожденный и освященный дух человека ведет непримиримую борьбу с желаниями плоти, потому что дела плоти - "вражда против Бога" (Гал. 5:17).

Здесь следует немного остановиться на выражении "плоть". Что именно подразумевается под выражением "плоть"? Одни считают, что "плоть" - это наше тело, т.е. одухотворенный прах земной. Но,, внимательнее рассматривая Св. Писание, мы видим, что это не так; под выражением "плоть" имеется в виду не тело. Тело живет только физиологическими чувствами: холодно, голодно, больно и т.д.; дела же "плоти" не относятся к физиологическим чувствованиям; это из области духовной, а именно - вражда, ссора, распри, зависть.

Плотью мы не можем назвать наш дух, т.к. он, освятившись от соединения с Духом Божиим, приносит плоды святости. Однако, всякий христианин, пусть даже достигший большого совершенства в познании Господа, постоянно ощущает в себе своего ненавистного врага, хоть и распятого, свою плоть. Между тем, нам совершенно известно, что только тогда , когда человек оставляет свое тело в могиле, он окончательно освобождается от "сего тела смерти". (Рим. 7:24.)

Правильнее всего, глубоко взглянув на факт грехопадения Адама с Евой, под евангельским выражением "плоть" считать не просто тело человека или его падший дух, а "тело смерти", т.е. тело, отравленное ядом греха. (Рим. 8:5-10.)

Почему Христос не был искушаем грехом Сам в Себе? Потому что Его тело не было отравлено ядом греха, Его тело было не "тело смерти", а тело безгрешное, тело от Духа Святого.

Давид так говорит об этом расчленении: "Выходит дух его, и он возвращается в землю свою; в тот день исчезают все помышления его" (Пс. 146:4.) Здесь имеются ввиду не вообще помышления, а именно греховные, т.е. за гранью гроба помышления не исчезают (Богач и Лазарь).

Развитие и действительность духа человека происходит в человеке независимо от его физиологического роста, т.е. дух не может стареть и умирать. Шестимесячный младенец взыграл во чреве Елизаветы от слов приветствия Марии. (Лук. 1:41-44.)

Двенадцатилетний Христос, беседовавший с учителями и фарисеями, удивлял слушающих необычайным разумом. (Лук 2:47.)

Новорожденный младенец ещё ничего не способен воспринимать из окружающего, органы восприятия у него еще совершенно не развиты, и не развит ум. Но вы посмотрите на его личико: в часы сна оно ежеминутно отображает состояние его души. Следовательно, младенец живет полной духовной жизнью, совершенно непонятной и невидимой для нас: там и чувства горечи, страха, улыбка; по пробуждению же все это исчезает: лицо невыразительно, и только со временем, с появлением разума, начинает появляться осмысленное выражение.

Сон человека - это ничто иное, как продолжающаяся жизнь и деятельность духа человека вне его тела, и вообще его материи. Нередко действия и явления в сновидении бывают вне форм, времени и даже вопреки всякой логики. Человек видит себя в виде животного или любого предмета, а это присуще только духу. Ум человека находится в полном подчинении его духу, а поэтому мысли человека иногда витают вне форм и видимых закономерных явлений. Нереальные мысли в дневное время мы называем фантазией. В ночное время сновидения чаще всего бывают нереальны и необъяснимы. Часто дух человека во сне встречается с духами праведников, или Дух Божий по Своей воле уводит его в иную сферу уготованного будущего и вне времени и пространства, вопреки физиологическим законам. Этими путями Бог дает Свои откровения человеку.

Сонный человек не является полной личностью, т.е. не является тройственным, но, в то же время, он и не мертвый. О сонном человеке можно сказать, что в это время в нем тело и душа, но без духа.

Отсюда: дух человека - это субстанция, входящая в непосредственное общение со всеми духовными мирами. Поэтому дух человека и является его хозяином, т.к. от него зависит самоопределение личности.

Дух человека бессмертен и по природе своей совершенно несравним со всем остальным живущим, т.к. вся тварь жизни вечной не имеет, а самое главное, что она не живет разумной жизнью, и движима инстинктом.

Среди верующих бытует и ошибочное мнение, будто в животном мире существует какое-то присутствие разумной жизни, и основанием для этого берется стих 19 из поел. Римлянам гл. 8. Но это опасное заблуждение, распространенное среди религиозных индусов, Которые утверждают, что дух умершего человека возвращается в какое-либо живое существо. Поэтому я позволю себе остановиться на указанном

месте Священного Писания, и в меру дарованного мне от Господа познания изложить здесь толкование на определённые места послания ап. Павла к Римлянам.

"Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне; и не только она, но и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего" (Рим. 8:19-23.)

По мнению некоторых, тварью, ожидающей откровения сынов Божиих, являются домашние животные, которые, якобы томятся от грубости людской и от многих греховных проявлений человека, что эта тварь во время тысячелетнего царствия Христова отдохнет от всех тягот. Но подобное рассуждение явно является нелепым. Никакие животные и звери, конечно, не могут ожидать тысячелетнего Царствия Христова: ни те, которые жили, ни те, которые ежедневно издыхают. Тем более, никакого воскресения животных не может быть - это абсурд. Если же животные и будут продолжать свое существование на сей земле и в тысячелетнем Царстве Христовом, то такими, как есть. Однако и там мы читаем, что они будут запряжены в свои "конские уборы" (Ис. 66:20, Зах. 14:20.)

Также не являются этой "томящейся тварью в ожидании" - Ангелы Божий. Это тоже абсурдно, т.к. Ангелы Божий - служебные духи, посылаемые на землю, и они никому не покорны, кроме Бога, и тем более они не могут покориться суете и ожидать свободы славы детей Божиих, т.к. всегда видят лицо Отца небесного. (Мф. 18:10). Кроме того, Ангелы никаких обетований не имеют и не получали, потому что они постоянно перед Господом. Единственной тварью, ожидающей откровения сынов Божиих, является тварь - обращенное, возрожденное христианство. Этих чудных обетовании не ожидает погибающая тварь, она и не верит ни в какие откровения, а если кто и верит, то не ожидает.

Такие откровения, какие были даны Сынам Божиим: Иоанну, Павлу и др., могут ожидать и достигнуть только неоскверненные и непорочные в мире (2 Петр. 3:10-14.) Они призваны из строптивого и развратного мира, и вышли оттуда, но они вынуждены проводить странствование свое в адамовом теле, окруженные суетою, "преданной вам от отцов" (1 Петр. 1:18.)

Поэтому самое минимальное попечение о плоти: обуть, одеть, обогреть, насытить, родить и воспитать детей и прочее, для всякого христианина, имеющего в себе зачаток Духа Святого, является именно тем необходимым "рабством тлению", рабством тому, что рано или поздно должно быть погребено под землею и истлеть.

Весь же смысл и вся сущность надежды истинного христианина в том, что он уже имеет место, приготовленное ему Самим Господом на небесах. "...Молю за вас Бога... чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих, по действию державной силы Его, которою Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых" (Еф. 1. 16-23), "...и нас воскресил с Ним и посадил на небесах во Христе Иисусе, дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам во Христе Иисусе" (Еф. 2:1-7.) Так изображает ап. Павел именно ту свободу Славы детей Божийх, которую они ожидают. Да и какой же христианин, у которого открыты очи сердца его, увидев себя в Славе Отца небесного, в виссоне чистом и светлом, не пожелает всем своим духовным существом скорее освободиться от этого "земного костюма"!

Дальше ап. Павел умышленно переводит взгляд с этой новой твари, а в надежде уже помещенной на престоле славы со Христом, на падшую тварь, на ужас ее положения. "Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне..."

Здесь речь идет о всей твари, но о твари без надежды, о греховной твари, о рабах греха: и знаем, что она совокупно стенает и мучится доныне. Но это знаем мы, прозревшие, освобожденные от власти греха, а сама тварь, хоть и стенает, и мучится, но она не понимает причины и не видит конца своих мучений. Слава Великому нашему Искупителю, что Он помазал глазною мазью наши очи, и мы узнали:

"В какой я бездне утопал,
При мысли я страшусь,
Но Ты меня и там взыскал,
Спаситель, мой Иисус!"

Да, но греховная тварь совокупно стенает и мучится доныне. Как это поразительно метко и верно высказано: "совокупно". Рассмотрим совокупность мучений и стенаний. Блудница-жена - какое это горе для всей семьи, как она мучает мужа и деток, но если ещё и муж - пьяница - это еще большее горе, ведь беспризорные детки делаются воришками. Что может быть ужасней этой совокупности мучений, когда они друг друга мучают своими грехами, и жизнь их проходит в стенаниях. А теперь возьмите всю эту семью, которая "лежит во зле", разве из века в век вы не слышите эти вопли и стенания погибающего мира, разве мы не видим этой совокупности мучений от пьяниц, воров, убийц, взяточников, блудников, обманщиков, льстецов, предателей, изменников, гордецов, властолюбцев и прочих, которые именно мучают друг друга и стенают: "да когда же это кончится?!" Повышают культуру, тратят колоссальные средства на всевозможные мероприятия, направленные на совершенство человека, но в результате полуобнаженные бесстыдницы из закрытых комнат вышли на площади городов и наводняют сады, парки и учреждения, а воры получают образование, одеваются в шикарные костюмы, с базарных площадей усаживаются в административные кресла и совокупно стенают и мучатся доныне, взывают: "где же правда?"

Правда, правда! Ее по-прежнему ведут на Голгофу и кричат обезумевшей толпою: "Распни, распни ее!"

Да не только она, эта греховная тварь, стенает, но и мы сами, имея зачаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего. Мы стенаем потому, что несем на себе раны нашего Страдальца, и эти раны наносят нам порой наши близкие, родные, дети. Мы стенаем, что две тысячи лет раздается призыв к спасению: "Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас", но погибающий мир, увлеченный злом, продолжает совокупно стенать и мучиться доныне, пренебрегая спасением и глумясь над свидетелями Иисуса. А еще мы стенаем, что, будучи водворены в это тело смерти, мы устранены от Господа и не видим Его, как Он есть, а желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа. (1 Кор. 5:1-8...) "Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище" (ст. 2) И вот вам голос стенания у дитяти Божьего, и новой твари, которая оставила все и последовала за Иисусом, почитав все за сор: "Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?" (Рим. 7:24).

"Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего" (Рим. 7:22-23.)

Вот почему эта новая тварь, имея зачаток Духа, вместе с ап. Павлом и всеми святыми говорит, что "наше жительство на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его". (Филип. 3:20-21.) В этом - смысл усыновления.

Душа человека

"Да предадут Ему, верному Создателю, души свои, делая добро"

(1 Петр. 4:19)

"По сему прославляйте Бога в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божий"

(1 Кор. 6:20)

Душа человека - это частица Божественного естества. Душа человека и душа животного - это несравнимая разница. Душа животного - это жизнь животного, и она в крови его: вылилась кровь и исчезла душа животного. Она не является частицей Божественного естества и образовалась в результате повеления Божия, выраженного в слове Бога. Бог сказал - и образовалась. Земля, как и море, по повелению Божию, произвели души животных, пернатых и прочее живущее.

Душа человека - это его жизнь, но, кроме того, является и какой-то непонятный уму человека субстанцией. О душе человека мы знаем по ее проявлениям в чувствах: любовь, радость, мир, терпение, томление, совесть и т.д., а голод, холод, боль, вкус, зрение и даже рефлексы - все это относится к области телесных ощущений. Душа и дух человека являются его вечной, неизменяемой субстанцией, тогда как тело человека - эта субстанция - изменяется и является именно земной материей. Совокупность всех жизненных процессов, проявляющихся в человеке и составляющих жизнь его, происходит именно в результате деятельности и духа, и души в теле человека. Земная жизнь человека - это бесконечно малое мгновение его бытия по сравнению с вечным и, безусловно, является сугубо временным существованием.

Все основные жизненные процессы в масштабе самой личности человека - аргументальные, происходят именно в душе, а функциональные - в теле его. Все жизненные восприятия у животных осуществляются только инстинктивно, у человека же - сознательно.

О естестве души человека мы можем знать не более, чем о естестве Самого Бога. Душа человека - это вечно живущая его сущность, находящаяся в функциональной зависимости от духа, и функция именно не самоопределяющаяся. Как частица Божеского естества, душа всегда торжествует, если дух человека входит в союз с Духом Божиим, но и всегда томится при малейшей склонности духа к союзу с духом дьявола.

В вечности душа человека, избавившись от земной материи, облекается в другое вечное естество, соответственно тому, кому она принадлежала на земле: у христианина облекается в тело сообразно телу Воскресшего Христа, а у нечестивого - в вечную адскую материю.

Взаимодействия духа и души в человеке можно сравнить со взаимоотношениями Христа и Церкви, мужа и жены. Причем, если Церковь считать душою великого вечного божественного организма, то Христос в этом организме является духом его. Если жена является душою семьи, то духом в семье является муж. Как плоть человека воспринимает и осуществляет все окружающие его материальные явления, так, равно, и душа воспринимает и осуществляет все духовные влияния: надежду, любовь, веру, утешения, даже духовную основу молитвы христианина.

Остановим наше внимание теперь на возникновении души человека. О духе мы сказали, что Бог Ангелами творит духов, и дух человека почиет в момент зачатия во чреве матери, и что сам акт зачатия есть ничто иное, как одухотворение семени, а тело человека образуется в результате физиологических жизненных процессов, происходящих при условии одухотворения человеческого семени. Это - первое условие, второе же - физиологическая детородная способность обоих полов.

Душа же человека имеет творческое начало, непосредственно осуществленное Богом, в день его сотворения. Душа человека в последующем этапе размножения передается в семени мужа. (Быт. 2:7, 1:23.) Поэтому тайна зачатия человека строго охраняется, как законом Божиим, в смысле чистоты духовной, так и является величайшей тайной в своем физиологическом процессе, в который даже современная наука проникла всего лишь в незначительной мере, о чем свидетельствует явное ее бессилие хотя бы в вопросах наследственности. Тайна души всякого организма - в семени, и она до сего дня остается не открытой, оставаясь Божественной тайной. И если бы в эту тайну смог проникнуть враг всякой жизни - дьявол, то

наступило бы самое ужасное - конец размножения. Но всякая жизнь победоносно господствует над смертью потому, что она является совершенно неразгаданной тайной бытия, сокрытой в недре Отчем и не доступной для дьявола и слуг его, и лишь явленной в творческой силе Слова в конце веков - в Сыне Божием.

"В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков..." (Иоан. 1:4)

Тайна души - это тайна жизни, и от дней Адама она подчинена закону преемственности. Преемственность души, т.е. жизни, особенно неопровержима в том, что во время всемирного потопа Бог сохранил ее в Ноевом ковчеге. Исчезни род человеческий во время потопа, Богу пришлось бы человека творить вновь.

Тело человека

"Не знаете ли вы, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа... Посему, прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии"

(1 Кор. 6:19-20)

Тело человека - это земная материя, и предназначена для того, чтобы в нем соединилось небесное и земное. Это особенно ясно выражено в словах Христа: "Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое: и Отец Мой возлюбит его, и мы придем к Нему и обитель у Него сотворим". (Иоан. 14:23) "Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены во едино..." (Иоан. 17:23)

Тело человека - особое, отличительное от всех тварей и его Бог сотворил непосредственно Сам. (Быт. 2:7); "...иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц" (1 Кор. 15:39.)

Если о естестве души и духа человеческого мы можем говорить весьма ограниченно потому, что то и другое является частицею Божьего естества, то о теле - наоборот: на всем творении Своем Бог положил печать Своего величия и, изучая это видимое, осязаемое, мы составляем себе представление о величии Самого Творца. Тело человека, как наисовершеннейшая земная материя, нам больше всего свидетельствует о величии Божием.

Человек - это одна из великих книг Творца в Его библиотеке - вселенной, и о нем мы можем говорить очень много, потому что во все века центром внимания на земле является человек. На нем больше всего сосредоточена любовь и забота Небесного Отца, равно как и внимание дьявола, потому что человек есть образ и подобие Божие.

Говоря о теле человека, мы отмечаем в нем несколько превращений, которые претерпело оно до наших дней, которые ожидают его в будущем:

а) тело Адама и Евы до грехопадения;
б) тело падшего человека и его будущее;
в) тело искупленных детей Божиих по усыновлению;
г) тело Богочеловека - Иисуса Христа.

а) Тело Адама и Евы

Это тело взято из земли и одухотворено дыханием жизни Самого Бога. По внешнему виду оно вызвало восхищение Самого Творца: "И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма" (Быт. 1:31.)

Красота" его была совершенна и не требовала никакого покрытия, не вызывая чувства стыда или, тем более, страсти. Оно не имело в себе никакого недуга, ни даже чувства усталости, или утомления, или боли. Тело Адама и Евы способно было взирать на естество Божие с детской простотой, без какого бы то ни было чувства страха и трепета. Как человек, так и все движущееся, питалось только плодами с дерев и произрастаниями земли, ничья кровь не проливалась и, следовательно, ничья плоть не употреблялась в пищу.

б) Тело падшего человека и его будущее

Но совершенно другим стало естество человека после грехопадения, впоследствии того, что грех вошел в человека. Первое чувство - это чувство стыда, сменившее восхищение друг другом. Сколько затем преступлений, сколько горя и страданий, сколько забот и гнетущей суеты проявилось для того, чтобы это падшее тело обуть, одеть, обогреть и покрыть срамоту его.

Следующее ужасное чувство, которое появилось у падшего человека, разъединяющее его со своим Творцом - потеря способности видеть Бога - трагическая слепота. Во все последующие дни, какой бы святости человек не достигал, но при виде славы Божией он со страхом падал ниц, и всегда требуется милосердие и ободрение Божие, чтобы поставить человека пред лицом Его.

Проклятье изменило все естество и даже физиологию тела человека, так как через человека вошло в мир и зло. Болезнь и всевозможные уродства, как через наследственность, так и в частных случаях, усталость и другие разные недуги сделали тело человека жалким, а часто - болезненным, и иногда отвратительным. Умножающиеся грехи сделали его краткодневным.

В противоположность телам Адама и Евы до падения, вместо прекрасного, тело человека стало

ужасным. Не потому, что оно изменилось чисто внешне - нет, мы и доныне встречаем красивые тела мужчины и женщины, но в нем живет и развивается грех - смерть. О, как много тех, особенно женщин, кому внешняя красота принесла несчастие и даже гибель. Слово Божие называет тело человека телом смерти. "Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?" (Рим. 7:24)

Смолоду человек, движимый страстями, находит мнимое удовольствие в их удовлетворении.

Но вот наступают дни, о которых, по достижению преклонного возраста, воздыхая, человек говорит: "...нет мне удовольствия в них". (Еккл. 12:1.) Человек тяготится телом своим. А как ужасен акт смерти человека, не примиренного с Богом! Приближение смерти наполняет все существо человека ужасом. Смерть - самый великий враг, и не только тем, что оно прекращает бытие человека на земле, а тем, что уже за гранью смерти он уже ничего не может изменить в своем бытие, хотя оно и будет продолжаться. Смерть фиксирует состояние человека, как злого, так и доброго, и его духовный облик. Фиксирует для того, чтобы с этим документом человек предстал перед вечностью и определил себя в ней. Тело - это такая материя, собравшая, подобно фотоплёнке, полный материал о прожитой жизни человека. Это документ в вечность. "Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое" (2 Кор. 5:10.) Апостол Павел имел язвы на теле своем, страдая за имя Иисуса, и носил их, как самые великие и вечные драгоценности, с которыми готовился предстать в вечность: "Впрочем, никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем". (Гал. 6:17)

После смерти тело человека разлагается на составные части и возвращается в землю, откуда оно взято, но, увы!, не навеки, а только временно, до суда Божия. У умершего человека после смерти остается духовная основа и основа вечная, которая не разлагается, как тело, и не превращается - это дух и душа. Дух и душа - это субстанции, неразлучные вовеки. Слово Божие говорит, что после смерти "...и возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его". (Еккл. 12:7). Это не значит, что дух и душа всякого умершего возвратится к Богу на вечный покой. Выражение "возвратятся к Богу" говорит лишь о том, что они предстанут в Божье распоряжение. Написано, что всем нам надлежит предстать на судилище Христово, чтобы получить соответственно тому, что мы делали, живя на земле, - доброе или худое. До воскресения Христа все умершие находились в аду. Здесь под словом "ад" подразумевается место ожидания определения Божия, а не конкретно место мучения. Христос до смерти Своей и воскресении разрушил ад, т.е. разделил. Души (духи) праведников, достигших совершенства (Евр. 12:23), покоятся в присутствии Божием, успокоенные от дел своих, в ожидании вечного блаженства (Откр. 14:13). Другие еще и до наступления суда Божия "мучаются в пламени сем". ("Богач" - Лук. 16:23).

Христос, до воскресения Своего, также был в аду (Д.А. 2:31). Но здесь под словом "ад" имеется ввиду именно тот распределитель, куда попадал, до воскресения Христа, всякий умерший. В то время Начальник жизни разрушил этот распределитель, определив для одних - место блаженного покоя до первого воскресения, для других - место томительного ожидания правосудия Божия, с определенной мерой возмездия за прожитую жизнь (Лук. 16:25). Представление о том распределителе Слово Божие дает в 1 Петр. 3:19 "...находящиеся в темнице духом".

И есть у Бога назначенный день, когда все человечество, непримиренное с Богом, предстанет на суд, в результате которого человек, по приговору Божию, получит, согласно своей духовной основы, другое тело, адское, на котором во веки веков будут неизгладимо отпечатаны его гнусные дела: "...человекам положено однажды умереть, а потом суд" (Евр. 9:27). "И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни: и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим, ...тот был брошен в озеро огненное". (Откр. 20:12-15.)

Адское тело, какое получит нераскаявшийся человек в день суда Божия, это такое тело, с каким он будет существовать во веки веков в озере огненном. Озеро огненное - это место, куда повержены будут дьявол и все исполняющие волю его, это место мучений от возрастающих, но неудовлетворимых желаний, развивающихся в адском теле. Это место, где нет никаких надежд. Христос кратко, но впечатлительно изображает его с другой стороны: "лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели двумя глазами быть вверженным в геену, в огонь неугосимый, где червь их не умирает, и огонь не угасает". (Мар. 9:47-48.)

"Так будет при кончине века: изыдут Ангелы и отделят злых из среды праведных и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов" (Мф. 13:50.)

Адское тело ужасно еще и тем, что оно не может быть подвержено смерти, человек от него не может избавиться вовеки, потому что и сама смерть и ад будут помещены в адской среде: "и смерть, и ад повержены в озеро огненное" (Откр. 20:14).

На основании изложенного, всякий верующий в Слово Божие или услышавший свидетельство о суде вечном, должен немедленно решить, что ему делать со своим телом смерти. Жить в нем - значит быть каждое мгновение под угрозой смерти, т.е. вечного мучения, а смертей неожиданных еще больше, чем смертей естественных. Выход один: избавиться от сего тела смерти, как этого желал и ап. Павел: "Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?" (Рим. 7:24.) Но как? Телесная смерть никого не избавит от этого смертного наследственного хитона, каким нас наделил согрешивший Адам. "Иисусом Христом"! - восклицает с благодарностью ап. Павел: "Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим".

"Истинно, истинно говорю вам: слушающий Слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь" (Иоан. 5:24).

в) Тело искупленных детей Божиих

Совершенно другое дело, когда человек, по призыву Божию, раскаивается во грехах своих и принимает в себя веру в Христа. Только Дух Воскресшего Христа, вселяясь в смертное тело, преобразовывает человека.

Дух Божий после того, как возникла драгоценная возможность поселиться Ему в теле падшего человека, омытого кровью Христа, стал до некоторой степени удерживать жизненное равновесие в естестве падшего человека. Богу потребовалось, спустя много веков после победы над грехом и смертью в воскресении Христа, вновь вдохнуть дыхание жизни в лицо возвращенного человека. "Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул и говорит им: примите Духа Святого". (Иоан. 20:21-22). И хоть тело человека остается тем же, но ввиду того, что после возрождения становится сосудом Духа Божьего, а не сосудом греха, оно освящается и делается объектом прославления Бога.

Бог не переделывает тело покаявшегося человека, до дня Своего второго пришествия оно остается в той же материи, но в теле грешника создает нового человека, новую тварь... "Да даст вам по богатству славы Своей, крепко утвердится Духом Его во внутреннем человеке, верою вселится Христу в сердца ваши" (Еф. 3:16-17.)

Что же стало со смертным нашим телом? Внутренний наш человек - дух и душа омылись кровью Иисуса Христа и соединились с Духом Святым, произошло возрождение и одновременно освящение тела человека и его всего. Дух Христа занял свое тронное место в сердце (духовный центр) человека, и он стал называться христианином, стал дитятей Божиим.

Вселяясь в человека, Христос явил в нем Свой крест, на котором при добровольном действии воли Его он стал распят для мира, и мир распят для него. Человек умер для греха, и в нем теперь по действию Духа Святого образовалось Царство Божие, что выражается в плодах Духа Святого.

Власть дьявола через грех совершенно упразднена. Тело стало мертво для греха, живо же для праведности Божией, потому что Христос в человеке. (Рим. 8:10). Оно стало храмом Духа Святого: "...вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас". (1 Кор. 3:16.)

Но опасность смертная не устранена, и для всякого христианина неуклонным остается предупреждение в Слове Божием: "Бодрствуйте! Смотрите же за собою! Вникай в себя и в учение!" и т.д. Почему? Потому что христианин живет в сем греховном мире, и весь мир лежит во зле. "Мы знаем, что мы от Бога, и что весь мир лежит во зле". (1 Иоан. 5:19.)

Кроме того, тело каждого христианина названо смертным телом и написано: "итак, да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его..." (Рим. 6:12.)

В нашем теле, по Божьему принципу, всегда имеется склонность ко греху, и мы не грешим только благодаря жизни Божией в нас, и наша воля постоянно направлена к освящению, т.е. к жизни в святости. Стоит только проявить малейшую склонность ко греху, как он немедленно оживает и ввергает нас в падение. Похоти у христианина не бездейственны, т.к. тело наше содержит в себе хоть и приглушенную, но плотскую природу. "Возлюбленные! Прошу вас, как пришельцев и странников, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу". (1 Петр. 2:11.)

Мы торжествуем только во Христе: "Но благодарение Богу, Который дает нам торжествовать во Христе..." (2 Кор. 2:14.)

Поэтому день пришествия Христа за Церковью не может быть для нас неожиданным, если "мы бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним". (1 Фес. 5:10.) Что же приносит нам водворение у Господа по Его пришествию за нами? Одно из величайших явлений - это превращение нашего смертного тела в такое, какое мы будем иметь с Ним на небесах, "ибо плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления". (1 Кор. 15:50.) Для вечного бытия с Господом тело христианина должно претерпеть превращение, преображение, говоря языком Божьим, воскресение. Оживление и воскресение - это два совершенно разных явления.

Оживление - это когда тело усопшего человека - труп - восстает в той же материи. Пример: сын сунамитянки при Елисее, дочь Иаира, сын вдовы Наинской, Лазарь и т.п.

Воскресение - это факт преобразования, и оно может произойти только у святых Божиих, над их телами.

Примером воскресения служит до сего дня Единый Воскресший Иисус Христос, как первенец из умерших. Тела же умерших наших дорогих христиан в Господе, по их предварительном оживлении, будут подвержены воскресению, т.е. преобразованию: "Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все. (Фил. 3:21.) Как это будет, Слово Божие нам говорит: "...мы, живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших; потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках, в сретенье Господу на воздухе...". (1 Фес. 4:15-17.)

О том, какими мы будем в вечности, нам дано очень скромное представление - как сквозь тусклое стекло. После восхищения святые Божий - Церковь в разном виде представляется нам: двадцать четыре старца, четыре животных, жена, облеченная в виссон чистый и светлый, воинства небесные на конях белых, великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога.

Равно и Сам Христос по воскресении: подобно Сыну Человеческому, облеченному в падир, лев от колена Иудина, корень Давидов, Агнец, Верный и Истинный. Слово Божие, Царь Царей, Господь Господствующих. Единственное представление о своем новом теле мы можем иметь, читая о воскресшем теле Христа, будучи преображенными сообразно телу Его.

г) Тело Богочеловека Иисуса Христа

По рождению Своему (воплощению) оно имело во многом подобие нашего тела. Родился, как человек - от женщины, имел имя человеческое - Иисус. Мать пеленала Его, как младенца, был обрезан, как младенец мужского пола. Был посвящен по законному обряду. Алкал, жаждал, уставал, спал, плакал, радовался, гневался, страдал и умер. Но одновременно тело Его было без греха. Христос не искушался никаким грехом, и Сам не искушал никого. Ходил по воде, творил чудеса, повелевал природой, как Своей подчиненной. Одновременно, божественно преодолевая расстояния, неожиданно являлся перед людьми (Назарет). На горе преобразился в преславный образ. Мог вызывать Моисея и Илию в их теле. Будучи без греха, был бессмертен, но совершил чудо личной смерти. По смерти тело Его не было трупом, ибо не было подвержено тлению. (Д.А. 2:27, Пс. 15:10.)

По воскресении на теле сохранились следы глумления. Носил такую же одежду, как и другие. Мог пить и есть, беседовать, быть сокрытым и открываться. Сохранил Свой облик и был узнан учениками. Но проникал через земную материю, являлся в Своем теле и делался невидимым. Передвигался не по законам земной материи. Вознесся на глазах учеников в новом теле.

По восхищении Церкви христиане приобретут новое тело, сообразно Телу Его. Это значит не абсолютно Его тело, но близкое по однородности.

В небесном Иерусалиме весь город будет как бы слитый в одно, это говорится о будущей материи, в которой будут члены Церкви, но и там Отец Небесный, как слава, а Агнец - Светильник. (Откр. 21:23.)

Исходя из всего изложенного, Дух Божий напоминает всем, кто является новой тварью, что назначение христианина - жить в похвалу Славы Божией здесь, на земле, чтобы быть в вечности с Ним. Да святится Имя Его.

"Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божий". (1 Кор. 6:20.)

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь.

Издательство "Евангельское Слово", Витон, Иллинойс, США, 1996 г.